

**ЗОЩЕНКО В. В. О БОЛЕЗНИ  
И ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ  
<М. М. ЗОЩЕНКО>. ЧАСТЬ 2. 1930-е гг.**

*(Публикация Т. М. Вахитовой)*

Настоящая публикация является продолжением первой, которая под названием «Зощенко В. В. О болезни и о литературной работе <М. М. Зощенко> Часть 1 – 1920–1930-е гг.» появилась в печати в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год» (СПб., 2014. С. 380–449).

В. В. Зощенко в своей самой большой статье (249 с.) (РО ИРЛИ, ф. 501, оп. 2, ед. хр. 93), составленной из дневников, воспоминаний, писем, заметок, сохраняет первоначально принятую форму композиции, сюжета, продвигаясь по времени с более или менее точной хронологией, вставляя в собственный текст и письма своего знаменитого мужа, и какие-то разговоры и пересуды близких и не очень близких людей. Пространство, окружающее молодых людей, приходилось «извлекать» из воспоминаний разных людей, ибо ни Зощенко, ни Вера Владимировна не описывали в подробных деталях ту картину повседневности, в которой ей и ее семье приходилось пребывать.

Но, в отличие от предыдущего материала, освещающего общую семейную жизнь молодой пары, наполненную обидами, непониманием, бытовыми трудностями, редкими минутами радости и восторга в годы 1920-е, период 1930-х гг. представлял не только семейную атмосферу, в нее проникал политический момент, который нередко задевал самые тонкие струны личности каждого из них.

Если в 1920-е гг. пределом эмоциональных мучений для Веры Владимировны были многочисленные поклонницы Михаила Михайловича (например, надолго запомнившаяся Надежда Брильянщикова), то в 1930-е гг. подобные дамы уже не волновали Веру Владимировну (даже неотразимая Циля Островская или умная Женя Журбина,

которую она, несмотря ни на что, продолжала называть подругой, хотя та мечтала родить ребенка от Зощенко,<sup>1</sup> и Вера Владимировна знала об этом). А молоденькие «студенточки» и «актрисули» стали для Веры Владимировны своеобразным декором, окружавшим Михаила Михайловича, добавляя красоты и грации в толпы его почитателей.

Более серьезным вопросом, который занимал супругу Зощенко, являлись метры жилой площади, которые после отмены нэпа отдавались рабочим и мастерам в квартире писателя. Жизнь теряла стабильность: бушевали скандалы, драки, пьяное дебоширство, что, естественно, вынудило Веру Владимировну заставить мужа обратиться к М. Горькому, имя которого носил этот жакт. История эта известна и много раз обсуждалась на конференциях, и заседаниях, и в монографиях. Но, пожалуй, не всегда было ясно осмыслено значение этого факта. После жилищно-кооперативных отношений Горький продолжал переписываться с Зощенко, настроенный на очень серьезный лад: он поддерживал молодого писателя (Зощенко было всего 35 лет), хвалил его за умелое владение пером и предлагал ему создать произведение, в котором страдание в философском и человеческом смысле не играло бы столь значительной роли, как, скажем, у Достоевского. И Зощенко после долгих размышлений все-таки задумал подобную книгу – «Голубую книгу».

Этот призыв Горького, его письма, которые Зощенко опубликовал в газете после его смерти, создали вокруг писателя особую политическую и идеологическую ауру. Его вместе с другими писателями наградили орденом Красного Знамени, приглашали жить в Москву, работать фельетонистом или в «Правде», или в «Известиях».

Несмотря на сложное нервное состояние писателя, как всегда неровные отношения с женой, казалось, что жизнь устанавливается, идет ее развитие в лучшую сторону. Но это было не так. Цензура ревностно следила за публикациями его произведений, постоянно в каждом из них находила нечто, не соответствующее партийным лозунгам времени. Михаилу Михайловичу передавали тайные сведения о каких-то заседаниях, посвященных его персоне. В 1937 г. арестовывают брата В. В. Зощенко и его жену, арестовывают близких знакомых семьи – мужа и жену Авдашевых, и супруги Зощенко берут в свою се-

---

<sup>1</sup> Журбина писала М. Зощенко 4 февр. 1938 г.: «Судите сами: я хочу родить от Вас ребенка. И думаю, Вы не должны были бы препятствовать мне в этом моем желании» (Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 2002. Кн. 3. С. 172).

мью их 16-летнего сына. 16 нояб. 1937 г. арестован давнишний друг Зощенко – блистательный Валентин Стенич. А после этих событий в Кремле М. И. Калинин вручает награды писателям, в том числе и Зощенко.

Необходимо отметить, что события, происшедшие с М. Зощенко в 1946 г., собирались долгие годы и совсем неслучайно обрушились на его плечи.

Евгений Шварц вспоминал: «Михаил Михайлович боролся с простыми вещами: бессонницей своей, сердцебиением, страхом смерти. И опыт свой открыто обобщал, любил лечить, давать советы, строить теории. Был он в этой области самоуверен. При молчаливости своей – словоохотлив. Какая-то часть его сознания тянулась к научному мышлению. И казался он мне, при всей почтительной любви моей, иногда наивным, иногда чудаковатым в этой области. Но это шло ему. Ведь и рассказы его, в сущности, поучали, указывали, проповедовали, только создавались они куда более мощной, могучей стороной его существа».<sup>2</sup>

Мемуары публикуются по машинописи Веры Владимировны Зощенко (РО ИРЛИ, ф. 501, оп. 2, ед. хр. 93). Текст приведен к современным нормам орфографии и пунктуации. Купюры обозначены угловыми скобками (<...>). Поскольку машинопись статьи В. В. Зощенко не была пронумерована архивистами, ссылки даются на страницы, проставленные автором: в тексте статьи после каждой страницы стоит авторский номер.

### **Зима 1930/31 г.**

В тот год было окончательно покончено с нэпом.<sup>1</sup> Наш арендованный дом перешел в жакт...<sup>2</sup> И сразу же начались неприятности. Нам в квартиру вселили многосемейного Бараева – мужа покойной племянницы нашей кухарки, с тремя мальчиками и второй женой. Поменяться ему комнатой с Машей, жившей внизу, жакт почему-то не разрешил, а также отказывался закрепить одну комнату за братом моей подруги, который в прошлом году жил у нас.

Тут даже Михаил забеспокоился и написал об этом деле Горькому,<sup>3</sup> тем более что наш жакт носил имя Горького.

---

<sup>2</sup> Шварц Е. Живу беспокойно... Из дневников. Л., 1990. С. 288–289.

Конечно, чудесный Алексей Максимович немедленно пришел на помощь и написал письмо «жакту», с просьбой пойти во всем на встречу Зоценко. Сразу же по получении этого письма «правленцы» явились к нам и заявили, что они немедленно выселяют от нас Бараевых.

Но тут Михаилу, очевидно, показалось неудобным воспользоваться этой «протекцией», и он неожиданно заявил, что не имеет ничего против проживания у нас этой семьи. И это получилось очень нехорошо – во-первых, он этим взволновал Горького – тому показалось, что он оказал Михаилу Михайловичу «медвежью услугу», во-вторых, это превращение квартиры в коммунальную принесло нам впоследствии массу неприятностей (С. 56), волнений, докучных, ненужных хлопот и огорчений, тем более что Бараев оказался пьяницей и часто устраивал дикие скандалы с женой. И все это, конечно, лишало покоя Михаила и мешало ему работать. И даже снова портило наши отношения.

В конце января я писала о нем: «Михаил устает, худеет. Обдумывает новую повесть и считает, что откроет ею какие-то новые горизонты («Возвращенная молодость»)<sup>4</sup>. Одно время был страшно увлечен этой работой. Осенью работал на заводах – в «стенной газете» – «общественная нагрузка».<sup>5</sup> «Ревизор»<sup>6</sup> закрыт, что-то делает в детском журнале – «Ленинские искры».<sup>7</sup>

Увлекается он картами – покер, преферанс – и радио. Уверяет, что страстно любит музыку, кажется, это правда. Последнее время разговаривает по телефону «с девицами». В это время – я правила корректуру – 4 дня – с 8 по 11 февраля печатала добавления к «Письмам читателей».

И опять мне с ним стало «трудно» – вечерами он лежит, думает или пишет. Он раздраженный, озабоченный, злой и далекий, «чужой»... Все эти неожиданные «квартирные дела», все эти дразги угнетающе действовали на него, а я не сумела уберечь, отгородить его от них. Но я знала – «я должна очень пожалеть Михаила. Он больной и усталый, я не должна от него ничего требовать, должна очень-очень жалеть его»...

Да, это был очень беспокойный, трудный год. А летом, <как> в этом году нам не удалось снять «Морозовскую дачу», мы решили все вместе ехать на все лето на юг. Михаил получил путевку в Дом отдыха печатников<sup>8</sup> в Новом Афоне, и 26 мая мы выехали из Ленинграда.

К сожалению, вся поездка эта выдалась на редкость неудачной. Я так измотала себе нервы за зиму из-за всех мелких и крупных «квартирных» неприятностей, что совершенно утратила свое спокойствие и выдержку, а главное – возложила все дорожные хлопоты на Михаила, совершенно не учтя его психику. Конечно, если бы я могла предполагать, как тяжелы они для него, я бы с удовольствием взяла бы их на себя, но, к сожалению, я этого не сообразила, немудрено, если Михаил за эту поездку «разочаровался я» во мне.

К тому же на третий день приезда неожиданно заболел Валя, у него оказалось воспаление желез, поднялась высокая температура, и он прохворал целых три недели (С. 57). И мы с Михаилом по очереди дежурили около него. Михаил всячески забавлял и развлекал мальчика – играл с ним в карты, в какие-то игры, читал ему и очень старательно измерял температуру, даже начертил в моей записной книжечке «кривую температуры»... Да, Михаил очень любил сына!

Лишь только у мальчика установилась нормальная температура, Михаил уехал в Ленинград. Получила я от него два письма – из Сухума и с парохода, и 10 телеграмм из Ленинграда.

### **Зима 1931/32 г.**

Эта зима была такая же беспокойная и трудная, как и прошлогодняя. «Квартирные» наши дела даже ухудшились – нашу столовую Михаил зачем-то уступил Бараевым (до этого они жили в коридоре и на кухне), а в Валиной детской он посоветовал мне, во избежание дальнейших уплотнений, кроме моего хорошего друга Модеста, который жил у нас с прошлого года вместе с Валею, которого он очень любил, прописать «фиктивно» Модестову мамашу – без права пользоваться комнатой, на что и она, и Модест дали свое полное согласие. Но Александра Геннадиевна, которая так кичилась тем, что она – «Рюриковна» – ведет свой род от князя Рюрика, оказалась самой бессовестной и наглой обманщицей – летом она переехала фактически в Валину комнату и тем лишила мальчика своего угла, да к тому же причинила мне массу неприятностей своим пребыванием – «развела» в квартире клопов и блох, отравляла воздух запахом керосинки, которой она отапливала комнату, и т. п. И поделаться с ней я ничего не могла. Михаил прямо говорил: «Надо примириться с тем, что нас надули».

Встреча с Михаилом после моего возвращения из Афона, где я после отъезда Михаила прожила еще месяц, опять разочаровала меня... он снова как-то «отошел» от меня.

В начале ноября он уехал в Гагры...<sup>9</sup> Получила от него одну открытку и несколько ничего не говорящих телеграмм... Как я узнала потом (он сам мне сказал об этом через несколько месяцев), у него начался там новый «флирт» – с Цилей Островской, в то время женой какого-то служащего игорного клуба... Правда, ничего серьезного в этом «романе» не было. (Впоследствии она стала женой Ленча,<sup>10</sup> и от нее Михаил «оттолкнулся» в своем рассказе «Бедная Лиза».) А я очень ждала приезда Михаила, но... приезд его – 21 ноября – не принес мне ничего хорошего – снова отчужденность, холод и равнодушие с его стороны.

Вскоре же он дал мне работу – прочесть оперетки, которые он (С. 58) взялся переделать для Мюзик-Холла. Одна из них – «Три мушкетера»<sup>11</sup> была поставлена в тот сезон в этом театре, но, конечно, никаким «событием» она не стала – это была средняя работа, да и «Зоценско-го» в ней было мало.

В начале декабря произошла у нас крупная неприятность – Михаилу позвонили одни «друзья», как он сказал, и предложили купить «по дешевке» какие-то трикотажные костюмы. Я предупредила его, чтобы он прежде принес эти вещи показать мне, чтобы решить – стоит ли их приобретать. Конечно, он меня не послушал, а вещи оказались не стоящими той цены, которую он за них дал, вообще были скверного качества, и мы решили, что он, на другой день, отнесет их обратно.

Я чувствовала, конечно, что это были за «друзья», поняла, что тут замешана женщина, и потому мне особенно не хотелось «поощрять спекуляцию». (Я оказалась права – вещи продавала эта «Циля Островская», очень ловкая, оборотистая «дамочка».)

У нас к тому же в последнее время было очень мало денег, и поэтому особенно не хотелось бросать большие деньги на ненужные и негодные вещи. Конечно, Михаил вещи обратно не снес, а на другой вечер неожиданно подарил их своей сестре. Я была поражена таким поступком и высказала ему все это. И, конечно, вышла нелепая, ненужная и глупая ссора. И мне снова стало тяжело и безвыходно жить... И я писала:

«Я увидела полную, окончательную невозможность создать хорошие, близкие наши отношения... Вчера он вернулся в 3, а сейчас –

половина 2-го, а его все нет. Чувствую, что его снова начинают тянуть “чужие женщины”...

Но уже во вторую половину зимы наши отношения снова изменились к лучшему. «Он как-то много говорит со мной о своих делах, он как-то мягче, ближе и искреннее со мной. Но он меня беспокоит, он плохо чувствует себя, перегружен работой, причем работой, не дающей не удовлетворения, ни больших денег... Он много нервничает, волнуется, беспокоится...

Последние дни он говорил, что на него “ожидается гонение” – об этом предупреждают его со всех сторон его друзья... Его будто бы думают обвинить “во вредительстве”.<sup>12</sup> Было совещание цензоров и членов ГПУ по вопросу “О Зоценко”. Все же они вывели заключение, что он – “порождение советской власти”, и только неправильны методы его работ». < ... >

В ту зиму кроме оперетты Михаил написал сценку – «Культурное наследие»,<sup>13</sup> которая была поставлена в театре Малых форм (С. 59) – Ольга Малоземова<sup>14</sup> – Екатерина, Лепко<sup>15</sup> – Петр Великий, Свирский<sup>16</sup> – «Ангел»...

В общем же, в литературном смысле, это была малопродуктивная зима.

Итак, отношения наши как будто несколько наладились... И физическая близость наша, конечно, возобновилась. А потом снова успокоили состояние здоровья Михаила и трудности жизни...

А затем как-то (7 марта) – я целый вечер – до трех часов ночи – провела с Михаилом. Неожиданно он разоткровенничался и рассказал о своих последних «изменах» – Галочка Барина, Ниночка – художница (Лекаренко), «жена концессионера» и «Цилька Островская».

Все эти легкие флирты, не оставляющие на душе осадка, к тому же ни одна из этих женщин ему, кажется, серьезно не нравилась кроме, пожалуй, Цильки...

Все это было мне теперь безразлично...

Вскоре подошло лето, и мы поехали на дачу в Сестрорецк. На этот раз – на дачу Кольцова, на Полевой ул. (На этой даче, уже летом 33 года, Михаил закончил свою «Возвращенную молодость».)

Михаил был дачей доволен, но почему-то нервничал и хандрил... В конце июня дал он мне перепечатать свою комедию – «Уважаемый товарищ»<sup>17</sup> для переиздания. Очень волновался и нервничал, что я не успею кончить к сроку – как нарочно, мешали «гости», но я после

отъезда гостей печатала до 7 часов утра и кончила ровно в срок. В общем, лето все же прошло спокойно.

### Зима 1932/33 г.

Это была очень трудная, беспокойная зима. Опять начались «квартирные неприятности», которые буквально отравляли жизнь и даже портили наши отношения с Михаилом.

В самом начале осени, 3-го сентября, Михаил уехал первый раз в Коктебель. Получила я от него 6 телеграмм и 3 письма.

Писал он: «...довольно скучно, народ неинтересный. Хандры, правда, нет, и чувствую себя довольно бодро. Работать не хочется, так что зря, пожалуй, захватил рукописи». <...> (В то время он усиленно работал над «Возвращенной молодостью».)

Это письмо я получила 15 сентября, ответила ему 17, получил он его 21, но был почему-то недоволен, писал 22 сентября: «Получил твое письмо, что-то маловато пишете – одно письмо за месяц!» (С. 60).

Писал: «В доме отдыха мне уж надоело – от шума, гама и, главное, от 4-х соседей, с которыми живу в одной комнате. Сам на себя удивляюсь, как это я выдержал. Чувствую себя довольно хорошо, хандры не было, но вялость некоторая осталась. Весу же почти ничего не прибавил».

В ответ на мое сообщение, что я до сих пор не получила деньги из Госиздата, писал: «Большое свинство, что Госиздат до сих пор не заплатил денег, буду ругаться с бухгалтером. Если он еще не заплатил тебе – требуй и настаивай – пойдешь к тов. Гореву или Олесичу.<sup>18</sup>

Вот ты раз только столкнулась с этой музыкой, а мне каково – второй год такая дрянь происходит с платежами...».

В последнем своем письме – от 26 сентября – он снова бранил меня за молчание – «От вас почти ни черта не имею. За весь месяц получил всего 1 письмо и 1 телеграмму. Может, правда, за эти два дня получу до отъезда. Но, в общем, свинство с вашей стороны. Главное, это ежегодно такая ваша небрежность. Можно было бы аккуратней отвечать – хоть раз в неделю, как условились... Не понимаю, чем объяснить твою и Валькину леность и невнимательность... Пишите же. Надеюсь, что у вас все хорошо. Целую. Мих. 26 сент. 32 г.».

Письмо от 22-го я получила только 26-го, а потому и не писала ему до тех пор ничего – ждала его ответа, но, очевидно, надо было писать чаще, а я как-то не понимала этого.

Вернулся Михаил из Коктебеля в начале октября.

Вначале меня снова огорчало его отношение ко мне – его отчужденность, замкнутость, скрытность... Опять были неприятности из-за «квартирных дел», в которых он никак не хотел мне помочь и даже упрекал меня за то, что этими «делами» я мешаю ему работать...

Но вот в начале ноября он снова как-то «очень изменился», стал добрее и мягче... и даже как-то «жалел» меня в «квартирном деле». Но вскоре же он снова «отошел» – «он был весь в себе, в своей работе, в своих мыслях и в мыслях о себе».

И снова начал уходить по вечерам и никогда не говорил мне – куда идет и где бывает...

«Михаил опять так далек и холоден... М<sup>ожет</sup> б<sup>ыть</sup>» – просто потому, что озабочен предстоящим выступлением в Москве, куда он должен уехать на днях на несколько дней».

21 ноября Михаил уехал в Москву – там должен был состояться его литературный вечер<sup>19</sup> (С. 61).

Через 10 дней, 2-го декабря, он вернулся из Москвы. За эти десять дней я получила от него 5 телеграмм, в первой же он извещал меня о том, что его литературный вечер прошел блестяще. По возвращении он рассказал подробно о своей поездке. «Говорил, что успех был потрясающий – встретили бурной овацией, читал очень хорошо, под сплошной хохот – особенно хорошо принимали новые рассказы, что его снимали для кино, для звуковой фильмы, передавали чтение по радио, писали хвалебные статьи, носились, как с “коронованным принцем”<sup>20</sup>».

Предложили редактировать «Комсомольскую правду». Статьи я читала – действительно восторженные.

Как странно все же – очевидно, существует какой-то высший закон справедливости – Михаил всегда писал и говорил одну правду, все 12 лет своей работы он вел одну линию – осмеивал «человеческую глупость и подлость, никогда не впадал в излишнюю восторженность и пафос по поводу успехов строительства. И сейчас его ценят и уважают большевики больше, чем тех, кто пресмыкался перед ними и подлизывался к ним». Прошла неделя...

10 декабря писала: «Михаил много работает, часто сердится и нервничает». (Работал он тогда над «Возвращенной молодостью».)

Наступил новый – 1933 год...

Михаил снова стал чувствовать себя плохо. Я писала: «Михаил болеет, кашляет, температурит по вечерам; уже целую неделю не вы-

ходит на улицу. Нервничает. Раздражается. Говорит о том, что ему не вынести этой жизни, этой борьбы, что он скоро “подохнет”»...

Денежные перспективы довольно плачевны. Если не пойдут его «“пьески”, жить нечем».

«Пьески» – «Преступление и наказание» и «Свадьба». Он написал их, переделав из одноименных рассказов, в 32-ом или 31-ом году, точно не помню. «Преступление и наказание» я даже ставила в моем жактовском «драмкружке» – играли в школе, я сама играла жену Горбушкина. А «Свадьбу» Михаил сам ставил в Мюзик-Холле<sup>21</sup>... Так что «пьески» эти пошли.

Чтобы понять причины его нервного состояния, его раздражительности, надо не забывать о его тяжелой работе, о его разочарованиях и обидах, о той трудной борьбе, которую ему приходилось вести последнее время «за кусок хлеба», несмотря на все «хвалебные» статьи о нем...

Михаил как-то полнее раскрылся для меня это последнее время, и мне было бесконечно жаль его (С. 62).

В середине мая я с Валей уехала в Коктебель. А незадолго до моего отъезда уехал Михаил в литературную поездку – были организованы вечера его чтений на юге.<sup>22</sup>

Из этой поездки получила от него 14 телеграмм и 2 письма – из Ростова и Баку. <...>

А затем было письмо из Ростова от 27 мая. Писал:

«Здравствуйте, Вера и Валюшка!

Наконец собрался вам написать. Сделал за 2 недели 8 выступлений – пять открытых и 3 закрытых. Не можете представить, как устал. Сердце неплохое, но усталость и нервы ужасные. 15 выступлений, конечно, не выполню. Но если сделаю еще 3, то будет отлично. Администратор соглашается. ...Всюду, где были вечера, успех огромный. Везде были аншлаги и суматоха. Но публика, конечно, уж не та, что в 26 году. Требуется читать рассказы поглубее, а то не доходят.

В общем приновился. Очень трудно весь вечер держать зал в своих руках. Читаю 6–7 рассказов, а остальное время разговариваю, отвечаю на записки и рассказываю о себе и своей работе. Очень странно, что все это слушается с таким же интересом, как и рассказы. От себя я не ожидал таких способностей – говорить публично. Говорят, получается на редкость занимательно. В общем, публика уходит довольная и в подъеме. Кое-где пришлось поругаться. Я наорал на

публику за то, что пришли, как на концерт, а не как на литературный вечер. Такую получил записку: “Когда начнется концерт?”.

В общем, некультурность адовая. Но я, пожалуй, все же единственный писатель, которого понимают, читают. Ни один вечер не проходит, кроме моего. Конечно, треть дураков является в надежде, что я буду на голове ходить.

В общем, конечно, интересно, если б не усталость и бессонница. Сплю что-то плоховато и мало. Поддерживаю себя тем, что много ем. Если сделаю 3 вечера, или даже 2, то чистого заработка будет тысячи 4 (С. 63).

Дороговато стоит еда. Уходит чуть не сто рублей в день. Но приходится есть самое дорогое – икру и прочие деликатесы.

Очень хорош был вечер в Ростове. Много смеялись. Я был в подъеме. Но зато не спал почти ночь.

Скорей бы сдать эти три вечера и отдохнуть. Оказалось труднее, чем я думал.

В Тифлисе пробуду три дня – 2, 3, 4. Потом по Военно-Грузинской дороге в Кисловодск, где вечер 9-го. Там сделаю всего один вечер и приму 10 или 8 нарзанных ванн. А если буду чувствовать себя очень плохо, то из Тифлиса вернусь в Ленинград, что не хотелось бы, т<ак> к<ак> близко Кисловодск, и мне устраивают там лечение.

Первого телеграфируйте в Тифлис – вокзал до востребования. И напишите письмо в Кисловодск. Тоже вокзал д/в. Если будут перемены – сообщу.

Сегодня, 27, послал вам телеграфом 300 рублей. Закажите билет заранее. Да напишите насчет дачи – а то еще сдадут. А мне надо будет здорово отдохнуть. Напиши, как Валюша. Как проводите дни. Ну, прощайте. Да чтоб нервы были у тебя в порядке, а то опять спокойствия у нас не получится. Ну, целую. Мих. Сейчас просил администратора не устраивать вечер в Кисловодске. Что мне гнаться за лишней тысячей? Ну, будет 3, а не 4. Пока не соглашается. Целую.

Пусть Валюша напишет мне в Кисловодск – вокзал, до востребования. Письма пошлите сразу по получению письма, т<ак> к<ак> могу в Кисловодске пробыть несколько дней всего». (На этот раз я была аккуратнее и до получения этого письма уже послала ему 2 телеграммы, а на письмо ответила на следующий же день.)

Из Ростова в тот же день он прислал телеграмму: «Сокращаю поездку, оставил 2 вечера в Тифлисе третий в Кисловодске. 9 мая полечусь неделю нарзаном, очень устал, завтра пошлю деньги. Целую».

А потом неожиданно пришло письмо из Баку:

«Здравствуйте, дорогие Вера и Валя, пишу из Баку 1 июня. Письмо-то, наверное, получите через неделю, так что новости устареют.

В Баку я приехал совершенно больной. Думал – прямо подохну на чужой стороне. Но вот ничего, отдышался. Второго утром еду в Тифлис. Пока все было хорошо. Всюду большой успех, масса публики. Всякие визиты ко мне, всякие просьбы выступить в студенческих кружках, беседы и т. д. Представляешь, каково мне с моим характером (С. 64). 28 выехал из Ростова с потрепанными нервами. Думал – отлежусь в поезде 2 дня. И вдруг на беду – отравился в вагоне-ресторане рыбой. Положение было ужасное, страшная рвота, температура и полная беспомощность что-либо предпринять. Администратор мой струхнул, видя, что барыши его лопнули. О вечере нельзя было и думать.

Прямо с поезда повезли меня в больницу. Температура почти 40. Надо сказать, что все бакинские врачи, узнав о моей болезни, непрерывно старались вылечить меня. Начались всякие консультации и процедуры. Сделали мне промывание желудка, влили всякие лекарства и противоядия. И сразу стало легче.

Почти сразу сбавился жар, сердце стало работать лучше, а то все время перебои и аритмия. Короче говоря, через 5 часов я стал чувствовать себя прилично. Положили меня в палату, и пролежал я почти весь день. Однако к вечеру упросил меня поместить в гостиницу. Было беспокойно. Масса любопытных заглядывали в палату, даже смотрели в окна из сада – как я хвораю.

Еле отпустили из больницы. Отвезли в гостиницу. Два врача заходили ко мне – проведать. И без всякой моей просьбы. И не взяли даже денег. Народ тут совершенно удивительный. Очень уважают известность, что ли.

В общем, вечер в гостинице был плохой. Самочувствие ужасное, температура, понос. Сердце – 120 пульс. Ужасно было. Думал – попал в Азию и тут непременно подохну. Главное – самый далекий город – даже не вернуться.

Однако на другой день утром температура нормальная. Стал быстро поправляться. Днем ел кашу и бульон. И вечером стал чувствовать вполне хорошо. Врачи посещают и дают советы, что мне есть.

В общем, 1 июня утром был совсем почти здоров, только маленькая слабость. То, что поболел – это имело хорошие стороны – отлежался, поправил нервы и чувствую себя даже лучше, чем до болезни.

Завтра утром еду в Тифлис. Там сделаю вечер 4 июня и по Военно-Грузинской дороге поеду в Минеральные Воды. Если чувствовать буду себя хорошо, сделаю там один вечер, чтобы полечиться в Эссентуках и Кисловодске. Больше недели там не останусь. Поездка до того меня замотала, что думаю о Ленинграде, как о счастье.

Числа 13 я буду, вероятно, в Ленинграде. К вам бы я заехал с удовольствием, но ужасно передвигаться. Не можешь представить, насколько все сейчас сложно и, главное, как трудно иметь диету» (С. 65).

<С. 66>

«Буду в Ленинграде прямим.<sup>23</sup> Телеграфирую день приезда. Михаил».

Вернулись мы с Валеи в Ленинград 22 июня, и на другой же день мы уехали в Сестрорецк – жили снова на Полевой, на Кольцовской даче «у самого синего моря».

Отношения наши с Михаилом в то лето были очень неровные – то поднимались у нас «неприятные разговоры» – на этот раз из-за его неосновательной «ревности», то было с ним снова хорошо и по-хорошему.

В то лето он заканчивал свою «Возвращенную молодость», свое любимое «детище», и был всецело поглощен этой работой, даже в день своего рожденья и нашу «16-ую годовщину»,<sup>24</sup> он, невзирая на рожденье, почти весь день работал.

15 августа я уже начала перепечатывать эту повесть, печатала в течение пяти дней.

18 августа Михаил приезжал утром и сказал, что уезжает на 6 дней на Беломорский канал – в экскурсию, организованную Горьким для писателей. За время его отсутствия я допечатала и перечитала «Возвращенную молодость». А 23-го, ровно через 6 дней, вернулся Михаил,<sup>25</sup> и было с ним очень хорошо и дружно, ходили вместе гулять – «на косу»...

Вечером печатала его комментарии к повести.

### 1933–1934 гг.

На второй же день по переезде с дачи – 2 сентября – печатала статью о Беломорстрое,<sup>26</sup> затем несколько дней подряд печатала и занималась корректурой – все по «Возвращенной молодости».

Отношения наши были какие-то неровные – нервничал и раздражался по пустякам – был недоволен приездом его старшей сестры, Елены, визитом его «первого критика» Могилянского<sup>27</sup> <...>

Правда, вскоре же была снова близость и дружеский разговор, и я очень жалела его – «он устал от непрерывной работы. Сейчас собирает новую книгу рассказов под заглавием “С луны свалился”,<sup>28</sup> перед этим корректировал альманах “Эстрада”, написал статью о Беломорстрое.

Во всех этих работах, конечно, ему помогала – статью и рассказы печатала, а в альманахе провела предварительную корректуру».

«Очень жаль Михаила, он переутомлен работой, нервничает, его волнуют, в сущности, пустяки, ему необходим спешный (С. 67) отдых, а дела еще много по корректуре повести и книжки».

10 сентября. «Михаил, вернувшись с собрания, сообщил, что его выбрали председателем Всероскомдрама,<sup>29</sup> выдвинула фракция».

18 сентября – «Почему-то снова “странное” отношение Михаила – ничем неоправданная грубость, резкость, ненужная ссора, после чего, как всегда, “мирились” до поздней ночи».

26 сентября 33 г. Я писала: «Михаил рассказывал очень интересный план новой работы “Голубой книги”<sup>30</sup> – о деньгах, любви, коварстве, неудачах и разном, с экскурсами в глубь истории, в глубь веков. Михаил растет гениально. Это уже не наблюдательный умный мальчик, это философ... Очень интересно».

На другой день я ходила в Горком<sup>31</sup> за путевкой для него, и вечером он уехал в Коктебель. Вскоре же получила от него и телеграмму, и письмо. (Уехал 28-го сентября.) Писал, что «Коктебель на этот раз очень понравился. Комната отдельная. Кормят хорошо. Электричество». «Думаю остаться до 15-го». Меня просил: «Вера, я, кажется, позабыл дать тебе книгу для корректуры – “Избранное”.<sup>32</sup> Помнишь, я тебе говорил о трех правках. Так эта книга лежит в письменном (моем) столе. В ящиках над столом, сразу за чернильницей. Там, в этой книге на одной из первых страниц отмечено, какие фразы исправить. Как получишь корректуру – исправь эти три рассказа. А всю корректуру просмотри. В общем, отдохну, вероятно, хорошо. Спал отлично... Напишите, как у вас. Письма поздней 9 или 10 не посылай, т<ак> к<ак> письмо идет дней 5, а я 15 уеду в Ялту. До свиданья. Целую. Мих.

С бабушкой обстоит так: при мне самое высшее начальство отдало распоряжение вернуть в Ленинград О. С. (Ольгу Сергеевну). Так

что все дело будет за формальностями. Пока затребуют бумаги, пока спишутся. Так мне говорят опытные люди. Но весьма может быть, что в этом месяце О. С. получит разрешение вернуться).

(Дело шло о моей матери, которая совершенно неожиданно в январе (С. 68) 33-го года была арестована по какому-то незначительному «религиозно-церковному делу», и ей было предписано выехать из Ленинграда. И больше полгода жила она у родственников жены брата в Арзамасе. И вот Михаил решил хлопотать о ее возвращении. Он был добрый человек – он всегда принимал участие в таких делах – хлопотал и за моего брата, вот и за маму, а впоследствии – и за мою подругу детства, высланную из Ленинграда вскоре после убийства Кирова,<sup>33</sup> когда начались массовые высылки из города «ненадежных элементов»... Хлопоты Михаила увенчались успехом, и 3-го ноября 33 года<sup>34</sup> мама, страшно счастливая, вернулась в Ленинград.)

Потом пришла от Михаила открытка, писал о том, что в Коктебеле холодно, что, вероятно, он скоро уедет в Ялту и в Ленинград вернется раньше, чем предполагал. За это время я послала ему письмо (10 октября) и 2 телеграммы.

А потом неожиданно начались неприятности с книжкой Михаила («Возвращенная молодость») – как будто бы были запрещены комментарии.<sup>35</sup>

12 октября справилась по телефону у Слонимского – как обстоят дела, ответил, что с повестью все в порядке. Затем 14 октября я снова позвонила Сорокину, который редактировал книгу, и Слонимскому, выяснилось, что с повестью опять неопределенно. От Михаила в это время была тревожная телеграмма с запросом, как обстоят дела с повестью. Сначала я телеграфировала ему в успокоительном смысле, затем пришлось давать вторую, что пока все неопределенно. Все это, конечно, крайне волновало и огорчало.

14 октября я писала: «У Михаила неприятность с повестью – запрещены все комментарии. Мне очень жаль его, если это окончательно – эти комментарии – результат его трехлетней работы, этот труд – его любимое детище, которым он думал передать людям то, “самое главное, что он знает”. Эта неприятность сорвет ему отдых, заставит нервничать, все это нехорошо и не нужно».

Вскоре пришла открытка от Михаила, писал, что в Коктебеле холодно, и он думает скоро вернуться. Но он задержался в Москве, приехал только 25-го октября...

Перед его приездом я думала о том, что его невнимание, его отчужденность, порой несправедливость, капризы, странности – все это я должна ему прощать, с этим я должна считаться, за это я не должна никогда упрекать его... Я должна не мешать ему работать, уважать его одиночество и его жизнь. Так думала я перед приездом Михаила (С. 69).

Но приехал он «странный и чужой», отношение его ко мне какое-то холодно-сдержанное. Все же, конечно, была «близость».

Но, конечно, я не ошиблась, в Москве его задержали вовсе не дела и не работа, а женщины и приятели. А здесь было такое важное дело с повестью, я так мучилась за нее, а он спокойно сидел в Москве! Он и сам рассказал, что задержали его приятели, а жена Петрова даже разорвала уже купленный было на 20-е билет.

И вообще – на вопрос – были ли женщины в Коктебеле, ответил нет, а в Москве были интересные жены писателей. И снова говорил о том, что он желает быть свободным в своих действиях, что я не должна никак вмешиваться в его жизнь, и ничего не должна требовать от него, и что я могу жить, «как хочу»...

(А между тем – в течение последних 7-ми месяцев он мучил меня упреками за мои воображаемые романы.) И мне стало казаться, что теперь он перенес вопрос в другую плоскость – стал говорить: «Не мешайте мне работать, я хочу работать». А я никак не мешала ему работать!

«Я не ждала от него больше, чем он может дать, ничего не требовала, хотела, чтоб не было ссор и неприятностей, старалась их избежать. Поскольку я ничего не требую и ни с чем не “пристаю”, отношения были хорошие, дружеские». Все было спокойно. Жизнь Михаила по-прежнему шла как-то отдельно от моей. Впрочем, близкие (физически) отношения у нас сохранялись, как всегда.

Как-то он был на докладе о стратосфере,<sup>36</sup> и это интересовало его. Был в ресторане с Олешей.<sup>37</sup>

В середине ноября сообщил, что ему разрешают наконец «Возвращенную молодость» с небольшими «купюрами» в комментариях. Разрешение было дано после 2-х месячного раздумья! Говорил, что отношение к нему со стороны цензуры «почтительное».<sup>38</sup> «Неприятных разговоров» почти не было, если не считать неприятностей из-за денег – очевидно, из-за моих небольших «перетрат» по хозяйству.

На другой день после своих именин Михаил уехал на неделю в Москву, вернулся как раз в день моего рождения. Дал мне прочесть

обработку биографии авантюриста («История одной жизни»).<sup>39</sup> Вышло прекрасно, ярко, свежо. Необычайно тонкая «ювелирная» работа. К обеду пришли мама и сестра, обед был «роскошный», после ухода (С. 70) гостей пошла к Михаилу, «была с ним». Настроение весь день было ровное, день удачный. Одним словом, «семейная жизнь», насколько это возможно, вошла в норму.

Так прошла зима 33/34 г.

Лето – снова в Сестрорецке, снова на Кольцовской даче на Полевой. Этим летом меня очень беспокоило здоровье Михаила. Очень плохо, очень нервно почему-то он чувствовал себя. Мне кажется, с тех пор начались его «психоневрозы», «страхи»... Мне часто приходилось успокаивать, «разговаривать» его, стараясь отвлечь от тяжелых мыслей – он очень нервничал и расстраивался из-за своего здоровья, из-за нервного своего состояния, доходил даже буквально до слез, даже я стала беспокоиться и волноваться, хотя всегда считала его болезнью «самовнушением» и преувеличением.

В день его рождения, после отъезда гостей, он опять особенно нервничал, и я долго успокаивала – «разговаривала» его...

Я очень жалела его и даже отказалась от мысли поехать на юг, в Кисловодск, куда было собиралась. В общем, лето было очень спокойное...

### 1934–1935 гг.

В этом году мы решили переезжать на канал Грибоедова,<sup>40</sup> в «писательскую надстройку», и в связи с этим было много хлопот, волнений и «сомнений». Еще до переезда кое-что печатала Михаилу, в том числе – какую-то «переделку пьесы» – пантомима для Утесова. Рукописи этой в архиве нет, и я совсем не помню – что это было?

Михаил начал было «неврастенировать» по квартирным делам – переезжать – не переезжать, но я старалась всеми силами не волновать и не беспокоить его ничем.

Все же была совсем мне непонятная крупная неприятность и ссора – из-за просьбы его сестры Веры дать ей записку к Кирову или Кодацкому<sup>41</sup> с просьбой о комнате и одолжить ей 200 рублей. Когда я передала ему эту ее просьбу, вышла крупная ссора... Помирились лишь вечером, после моего возвращения с прогулки «по Неве».

И потом «он все жаловался на сердце и нервы» – очевидно, все сильнее и сильнее начинали мучить его «психоневрозы».

Наконец, 24 октября 34 года мы переехали на новую квартиру на канал Грибоедова.<sup>42</sup> Вскоре я неожиданно заболела, поднялась температура, пришлось лечь в постель (С. 71).

28 октября 34 года. Чувствовала себя плохо, лежала. Неожиданно «Михаил купил Вале пальто, потом сходил мне за фруктами. Вообще был очень мил и внимателен». Квартирой Михаил «был очень доволен, у него получилась чудесная, уютная комната».

Но вскоре же снова что-то случилось с ним, снова начались неприятности – совсем странные, неожиданные «скандалы» – то из-за абажура в столовой, не понравившегося ему, то из-за просьб Веры, сестры, купить у нее какие-то вещи, то из-за купленной мною новой вязаной кофты, на которую ему, очевидно, жаль было дать мне денег, то – совсем нелепо – из-за повешенных в столовой картин не так, как ему хотелось...

Конечно, на другой же день я перевесила их по его желанию.

И даже на приближающийся праздник – Октябрьскую годовщину – он не дал мне денег, и мне пришлось «растратить» из «хозяйских», данных на хозяйство, так как 8-го вечером собирались гости.

Но вскоре же (12 ноября) – снова – «была с Михаилом, и это хорошо».

А потом – снова показалось, что мне «чужой и враждебный» – обиделась из-за его резкого замечания мне, даже подумалось: «может быть – лучше уйти? Ведь он меня не любит, я ему нужна только как женщина, “для здоровья” – и то он боится, что частые “любовные отношения” вредны для его здоровья»...

Но я понимала – «может быть, это болезнь, раздражительность, нервное переутомление... Работаю на вас же, как он говорит». И я прощала, и не упрекала его...

Действительно, может быть, это было начало психоневрозов, «страха женщины», которого по отношению ко мне у него никогда не было... Он и сам писал в «Перед восходом солнца», что не ко всем женщинам был у него этот «страх»...

Но снова была «отчужденность»...

Однако, когда у нас в гостях были Слонимские – 18 ноября, он тоже «принимал» их – показывал свою коллекцию старинных монет, заводил музыкальный ящик и даже зачем-то показывал фотографии своих «девушек».

В свои именины – 21 ноября – «он был с утра раздраженный и обеспокоенный какими-то болям в грудных мышцах, которые мучили его ночью».

Сказал, что именины не справляет, не поблагодарил за подарок, рассердился, узнав, что вечером зайдут его сестры.

Но когда, после того как он обвязал грудь теплым, боли утихли, а в особенности после удачного именинного обеда, неожиданно (С. 72) пришел в хорошее настроение, пораздавал денег – маме, Маше, Кате, домработницам – и вообще “благодужествовал”».

Даже когда в 12-м часу явились-таки сестры, не выразил особого недовольства и «повертелся» среди нас.

Но когда через 2 дня явились рабочие – ломать стену в столовой – искать засоренности в дымоходе, пришли монтеры – ставить антенну, явился сосед по старой квартире и Вера, сестра, принесли вещи для продажи, Михаил очень нервничал и суетился.

У меня в тот день было тоже какое-то «беспокойное состояние», но когда ночью попробовала поговорить «по душам» с Михаилом, почти ничего не вышло. Очевидно, он прав – ему самому нужна поддержка, и оказать ее он не в состоянии.

Эта зима была очень трудная и беспокойная и для меня... Я остро переживала смерть Кирова<sup>43</sup> – это страшное, чудовищное преступление. Вскоре же я неожиданно потеряла своего большого друга, свою «вторую мать» – бывшую «классную даму», с которой была близка еще с гимназических лет. Потом начались у нас с Михаилом неприятности по моим «личным делам», начались бесконечные «неприятные разговоры»... И мы то ссорились, то мирились. Порой отношения были «мирные» и дружеские... И потом как-то «был очень хороший, почти нежный и милый, пробыл со мной до трех часов, даже успокаивал» – я боялась тогда второй смерти, тоже очень хорошего, близкого моего друга.

Михаил чувствовал себя всю зиму нездоровым – под Новый 1935 год – жаловался на плохое сердце.

24 января «говорил о своем здоровье. Думает, что у него испортилось сердце из-за желудка – в желудке образуются газы и давят на диафрагму. Вообще чувствует себя неважно. Хочет пожить спокойно до первого, а с первого приняться за работу». (Насчет желудка я вызывала к нему хорошего «частного» доктора, доктора Трухина, и он как-то помог ему.)

В ту зиму, как и в предыдущую, Михаил работал над «Голубой книгой»,<sup>44</sup> работа эта была кропотливая – надо было много «копаться» в исторических материалах.

С конца января прекратились все наши «неприятные разговоры», но Михаил по-прежнему бывал резким, раздражительным, суровым.

В ту зиму он, по совету своего большого друга, критика Журбиной,<sup>45</sup> начал лечиться у психиатра, доктора Моргулиса,<sup>46</sup> который толкнул его на лечение психоанализом, на «разгадывание снов».

Об этом Михаил много рассказывал мне. «Психоанализ» пришелся (С. 73) по душе его творческому воображению, увлек его, так же как и «сны». И он с увлечением принялся доискиваться причин своей «болезни», своего обычного мрачного восприятия жизни, занялся тем, что послужило причиной написания его книги «Перед восходом солнца».

(Думаю, что шел он неверным путем, что это только запутало его, привело к ряду непоправимых ошибок, закрепило его «психоневрозы», его «страхи» и в конце концов – погубило.)

Мне он много говорил тогда о своих мыслях по этому поводу, говорил о том, что, по Фрейдю, достаточно выявить причину «конфликта», чтобы избавиться от него.

Работал он в то время мало. К концу зимы отношения наши снова испортились.

7 апреля писала: «Михаил – такой чужой, такой враждебный, такой далекий... С чем бы я к нему ни пришла, чтобы ни начала говорить – всегда я наталкиваюсь на эту враждебность...». Чем это было вызвано – не понять...

26 мая я с Валею поехала на юг, в Кисловодск. Прожили мы в Кисловодске ровно месяц, и за это время я получила от Михаила 4 письма и 5 телеграмм. И все они были хорошие, спокойные и заботливые.

Он почему-то опоздал на вокзал и потому не смог проводить нас, но сразу же дал телеграмму вслед за поездом, в Малую Вишеру, которую мне принесли в купе: «Опоздал на 2 минуты, очень сожалею, отдохай получше, пиши, целую. Михаил». И на всякий случай такую же телеграмму отправил в Москву, в Литфонд для передачи мне. В Москву звонил 2 раза по телефону – казалось бы, все было хорошо, все стало на место.

В телеграммах – просил отдыхать, лечиться, спрашивал, сколько прислать денег, сообщил о посылаемых телеграфом деньгах. Просил сообщить о дне приезда, в последней телеграмме говорилось «ожидая возвращения».

В первом письме писал: «У меня дела хороши. Книга («Голубая книга») принята,<sup>47</sup> так что лето в смысле денег будет обеспечено. И сейчас, если нужно, я смогу вам послать, так чтобы у вас путешествие было без бедности.

Здоровье тоже сравнительно хорошее. Но скучновато – мало где бываю.

Получил чек из Америки на 60 долларов. Куплю в Торгсине пальто (С. 74) и сапоги».

Во втором письме писал: «Мое здоровье довольно приличное, но все не выхожу из работы, тут приходится перерабатывать пятую часть. Оказывается, не включил большевиков, а террористов издательство просит убрать. Придется подумать, как все это сделать. А так все остальное как будто хорошо. Живу очень спокойно, тихо. И наглядно видать, что много лишних треволнений было из-за твоих растрепанных нервов. Постарайся же подправить себя, и тогда мы заживем со всем спокойствием».

В третьем письме писал, что рассчитывает конец лета отдохнуть в Сестрорецке. О здоровье писал: «Здоровье мое временами хорошее, но с улицей еще не совсем благополучно. Иногда бывают какие-то нерешительные минутки и кое-какие неприятности с сердцем, но думаю, что все исправится. Тем более что настроение хорошее, все время ни разу не хандрил, так что достижение большое.

Это время я занимался кое-какими покупками. Купил в Торгсине костюм и пальто – очень дешево. Потом одеяло заграничное. А в Пассаже накупил простынь – 7 штук и наволочек, а то оказалось, что у нас почти ничего нет из этого. Недаром ты мне не раз об этом говорила».

(А он всегда сердился на эти мои слова и не давал на это денег, и из-за этого были неприятности.)

Что касается его слов – «с улицей еще не совсем благополучно» – зимой у него часто бывал «страх улицы», «не мог пройти до Невского», как он говорил, очевидно, с этим «страхом» он еще не вполне справился.

И в последнем письме от 29-го июня интересовался, как прошло мое нарзанное лечение, о себе сообщал: «Все же у меня не совсем прошли всякие мои “непорядки” с улицей. Но все остальное хорошо, и чувствую себя недурно». В Ленинград просил приехать числу к 20-му. О «Голубой книге» писал: «С книгой у меня кончилось благополучно». Заканчивал письмо словами: «А я мечтаю вас увидеть – здоровых, загоревших и веселых...».

10 июля я, как обещала Михаилу, выехала из Кисловодска, а 13 – приехала в Ленинград.

Но в тот же день – ссора с Михаилом... Зачем? Почему? Чем он был недоволен, разочарован? Не знаю...

16 июля переехали в Сестрорецк. Лето это было очень короткое и дождливое, но прошло спокойно, ссор и неприятностей с Михаилом не было. (С. 75).

### 1935–1936 гг.

31-го августа я вернулась в Ленинград. И снова стало как-то нехорошо и отчужденно с Михаилом. И я писала: «28 сентября 35 г. Хотела поговорить с ним о его делах – он пришел от цензора, который наконец-то пропустил пятую часть “Голубой книги”». <sup>48</sup> Хотела узнать, что он говорил, какие внес поправки. В ответ услышала холодное – “Потом. Сейчас я занят”.

7-го октября Михаил уехал в Коктебель. Из Коктебеля он прислал мне только 3 открытки и 2 телеграммы, одну телеграмму из Севастополя и одну из Москвы, в которой сообщал, что на несколько дней задержится в Москве, так как немного простудился. Поездкой вначале был очень доволен – погода была прекрасная, жарко, солнце, и чувствовал он себя хорошо, даже загорел. (Очевидно, к этому времени относится его «загорелая фотография».) <...>

20 октября снова коротенькая открытка: “Погода в Коктебеле испортилась. Неделя была прекрасная, но 3 дня как дождь и холодно. Чувствую себя довольно хорошо, но нервы еще не совсем пришли в порядок. Послезавтра (22) еду в Феодосию. Там переночую, потом пароходом в Ялту. Из Ялты, вероятно, автомобилем в Севастополь. В общем числа 30 буду телеграфировать...”».

Из Севастополя он телеграфировал 27 октября: «Приехал Севастополь еду на днях Москву буду телеграфировать день приезда домой Все хорошо. Целую. Михаил». Из Москвы: «задержусь несколько дней Москве немного простудился надеюсь четвертого быть дома Михаил».

4 ноября Михаил вернулся в Ленинград. В первый день все хорошо было утром. К вечеру же начал «замыкаться». А на другой же день после приезда – неприятности с ним (С. 75-а) из-за денег! Он обычно «выдавал мне деньги по записке – столько-то на квартиру и прочее, столько-то мне и Вале, и очень сердился, когда на «хозяйство» у меня обнаруживались «перетраты». И это было тем более странно, что и зарабатывал он тогда достаточно, и был человек не жадный. Напротив, очень щедрый и добрый...

Бывали у меня с ним «неприятности» и из-за сына, за которого он всегда «заступался», когда я после того, как его не хвалили в школе, делала ему «внушение».

Вообще же отношения наши в ту зиму были мирные, я часто разговаривала с ним по-хорошему, печатала ему <...> избранные отрывки из «Голубой книги».

Но вдруг в конце декабря – крупная ссора вечером. По моем возвращении из театра, где я была с одним своим хорошим знакомым. Кстати – забавная подробность – он обычно приходил ко мне в гости вечером, прямо со службы, и свой портфель обычно оставлял в передней на подзеркальнике... Михаил как-то обратил на это внимание и смеялся: «Врет, очевидно, жене, что задерживается на службе, на сверхурочной работе или на заседаниях».

И вот от этой ситуации он «оттолкнулся» в своем рассказе «Парусиновый портфель», как у него часто бывало – берет какой-нибудь реальный факт и к нему «досочиняет» <остальное> – обычный метод его работы.

В декабре была у него в гостях Шура Белова-Дударева. Она еще давно была «влюблена» в Михаила, встречалась с ним, была она «член партии», но «особой идейности» в ней не наблюдалось. Теперь она была вторично замужем – была женой командующего ленинградским военным округом, генерала Белова.<sup>49</sup>

Михаил начал бывать у них, ее муж, Иван Панфилович, интересовал его как человек «нового типа» и впоследствии, в своих записных книжках, он отводил ему место рядом с Александром Прокофьевым,<sup>50</sup> которого считал тоже «человеком нового типа».

Настоящего романа у Михаила с Шурой, конечно, не было, но какие-то «дружеские» отношения были, и она всегда очень «нежно» относилась к нему. Но их отношения совсем не касались и не интересовали меня, к тому же Шура мне почему-то даже нравилась.

Вскоре после Нового года Михаил, когда я «была с ним», говорил по поводу «Голубой книги» – беспокоился из-за замечаний цензорши, что в книге нет сатиры (?). Успокоился, что сатирические мысли разбросаны по всей книге, а не сосредоточены в рассказах.

В Доме печати ставилась его пьеска – «Муж, жена и другие», и я (С. 76) с моими друзьями ходила смотреть. Принимали спектакль хорошо, публика много смеялась, но меня не удовлетворила игра актеров – ни Богданов, ни, тем более, мой приятель Левушка Свирский. Был этот спектакль 30-го января.

В феврале печатала Михаилу какой-то «балет» – не могу припомнить, что это было. Потом – «Черного принца». <sup>51</sup> Как обычно, конечно, бывала с ним «близость»... Одним словом – зима прошла спокойно.

Немного «заинтересовала» Михаила глупенькая, пошленькая и «подленькая» жена брата моей приятельницы, молоденькая Елена Сергеевна, хотя, правда, говорил он о ней очень «издевательски». Как-то он привел из театра (в Доме печати) в гости «девушку» – маленькую какую-то балеринку. И Левушка рассказывал мне, что в Доме печати Михаил усиленно «ухаживал» за какой-то актриской, а они, актеры, подсмеивались над ним – «разыгрывали», на что он ужасно обижался.

Но все это совсем не затрагивало меня, и я ничего не говорила ему.

Между тем подошло лето 1936 года. Очень тяжелое впечатление произвела на меня неожиданная смерть Горького... <sup>52</sup> Это было личное горе мое. Михаил тоже был страшно огорчен и потрясен этой смертью – он искренне любил Горького. Конечно, он поехал в Москву на похороны. Оттуда он прислал мне сначала телеграмму: «Буду 26 или 27 участвую вечере памяти Горького остановился гостинице “Москва”». А затем письмо 23 июня – 36 г.: «Здравствуйте, дорогие Вера и Валя! 27 я буду дома. Приеду в Сестрорецк часов, наверное, в 5–6. Задержался в Москве, потому что вечер, посвященный памяти Горького. Меня очень просили остаться и даже дали деньги. Да и мне самому хочется о Горьком сказать несколько слов.

Ты, наверное, знаешь уже, что письмо Горького ко мне Бухарин напечатал в “Известиях”. <sup>53</sup> И это произвело почти скандал и сенсацию. Я даже не думал, что будет такой эффект. В общем, в “Правде” сильно переконфужены. А Бухарин в своих счетах с “Правдой” наконец слегка отыгрался. Меня снова пригласили в “Правду”, сказали, что очень необходимо, чтоб я дал хоть один фельетон.

И действительно, ситуация сложилась трудная, и мне теперь придется дать. Придется написать, и даже сейчас это будет вполне хорошо. Во-первых, “Правда” прекратила свою грубую и резкую критику, а во-вторых, мой “гуманный” фельетон может принести больше пользы делу.

В общем, все сложилось хорошо и так, как я хотел. Так что меня (С. 77) можно поздравить с очень мужественным поведением и выигранным делом.

Тут, в Москве, все ко мне очень добры и чувствуется, что письмо Горького сыграло некоторую роль, что мне весьма неприятно, так как я не люблю всякого сорта “пропуска”.

На похоронах бедного Горького видел Сталина совсем рядом. Шагах в трех. Он прошел (нес урну) так величественно, что я удивился – какая в нем мощь и твердость. Это было очень интересно. Ну, приеду – расскажу. В Москве неслыханно жарко. Душно. Говорят, что и в Ленинграде тоже.

Деньги (я писал вам уже в телеграмме) можешь истратить, так как я приеду 27 и, значит, все остальное и то, что на всякий случай (кажется 300), можно взять на твои мелочи.

В июле получу, кажется, порядочно, так что все хорошо.

Как-то Валюша? Перешел ли без переэкзаменовки? Наверно, работу дали? Ну, целую тебя и его. Мих.».

Это жаркое душное лето прошло спокойно – без особой радости и без печали. Михаил чувствовал себя прилично. Неприятностей у нас не было, хотя некоторая «отчужденность» с его стороны все же оставалась.

К 1-му сентября я переехала в город.

### 1936–1937 гг.

В конце сентября Михаил уехал отдыхать – снова в Коктебель, с заездом сначала в Москву. В это время Валя заболел – болело ухо и поднялась температура. Михаил очень беспокоился за него: <...> «Вера, пишу из Москвы. 23-го утром, в 9 часов уезжаю в Коктебель. Весьма беспокоюсь, как Валичка. Боюсь, не было бы у него воспаления в ухе. У меня в детстве дважды было. И это, очень помню, болезненно. В случае этого позови, конечно, лучших врачей. Ну да, надеюсь, что все хорошо. Хотя жалко мальчишку, что он так подорвал себе здоровье. Ты с ним помягче будь, а то он нервничает и раздражен от болезни и продолжительного жара. Хотел вам сегодня (по приезде) позвонить в Ленинград, но это канительное, и звонок у телефона тихий, а ты, наверно, у Валюшки.

Не позабудьте заплатить за телефон. (С. 78) А по получении этого письма напиши мне несколько слов (как ухо и как температура) в Коктебель. Если ты напишешь числа 23–24, это было бы хорошо. В Коктебеле я буду 25-го. И письмо получу 26–27. Из Коктебеля дам еще телеграмму, на которую ты сразу ответь. Ну, до свиданья. Целую.

Валюше скажи, что я ему сделаю костюм сразу по приезде в Ленинград. А сапоги постараюсь привезти из Москвы. Ну, привет. Мих.

Письмо ты, наверно, получишь 23, так что пиши уж сразу в Коктебель».

<...> Письмо – от 4 октября 36 г.:

«Привет, Вера!

Погода тут несколько испортилась. Стало холодно. А потому подумываю об отъезде. Все же не хотелось бы пробыть тут меньше ½ месяца. А поэтому думаю остаться тут до 9–10 числа. Затем я поеду в Москву, где надо будет задержаться (для «Крокодила») числа до 20. В общем, из Москвы – 11 или 12 числа я буду звонить тебе по телефону, либо телеграммой сообщу, где я остановился.

Здоровье мое как будто улучшилось. Но этот отдых, конечно, недостаточен. Надо будет в другой раз отдыхать месяц. Но, в общем, я доволен. Тут тихо и безлюдно. И Коктебель я очень полюбил.

Как-то у нас чертов ремонт? Наверно всех вас это замучило. В моей комнате пусть много не ремонтируют – разве что пусть покрасят пол. А то хлопотно, если начнут еще что-нибудь. Ну, договоримся в Москве. Хотелось бы, чтоб к 19–20 у меня в комнате был порядок.

Итак, 11–12 октября я тебе буду телеграфировать, где я остановился.

Привет и поцелуй тебе и Валуше. Мих.» (С. 79).

Затем была «рассерженная» телеграмма – с просьбой не трогать его бумаги – в ответ на мой вопрос – где находятся облигации, которые потребовалось сдать, и 2 телеграммы из Москвы – о приезде в Москву и о выезде из Москвы. В двенадцатых числах октября он вернулся в Ленинград.

В эту зиму было у нас с ним – «ни плохо, ни хорошо». Пожалуй, скорей даже хорошо, чем плохо, во всяком случае, больших огорчений не было. Я была очень занята – опять начала заниматься «общественной работой» – была сначала секретарем, а потом председателем «Совета жен» в Союзе писателей, слушала там лекции по истории партии, по диамату, стенографии. Я даже дневник не вела в ту зиму, поэтому и не сохранились у меня записи о работе и здоровье Михаила. Помнится, работал он в ту зиму над повестью «Возмездие».<sup>54</sup>

Выдвинула меня на работу «председателем» «Совета жен» жена Прокофьева, Виктория Петровна, которая считала меня «самой политически сознательной» женой.

Времени свободного у меня в ту зиму было мало. И были у меня в ту зиму очень тяжелые переживания. Незадолго до октябрьской годовщины был неожиданно арестован муж моей приятельницы и мой

большой друг, который очень много сделал для меня в формировании моих «политических» взглядов. Был он «большевик» с дореволюционным стажем партийной работы, в прошлом – работник-печатник, за революционную деятельность был выслан из Петрограда. После революции – «красногвардеец», комиссар на фронтах Гражданской войны, затем – ответственный работник в Ленинграде и, наконец, начполитотдела МТС<sup>55</sup>...

До знакомства с ним я была далека от политической жизни страны. Он открыл мне глаза на то великое дело, которое волей партии творилось на нашей родине, говорил о том, что необходимо принимать участие в этом деле, а не стоять в стороне, приносить посильную пользу делу строительства социализма, которое даст людям, всем людям – счастье. Под влиянием его слов я стала заниматься «общественной работой» еще с 30-го года.

И вот этот человек был арестован. Шел страшный 37 год. Весной его жене объявил прокурор, что ее муж контрреволюционер. Сейчас он реабилитирован и восстановлен в партии посмертно, а его жена получает персональную пенсию общесоюзного значения за его заслуги перед партией, за то, что он «участвовал в становлении революции».

Конечно, я тяжело переживала эту трагедию – в его невиновности я была совершенно убеждена, я хотела было идти в НКВД – у меня хранились его письма из Политотдела, в которых он писал о своей работе, и эти письма доказывали его беспредельную преданность делу партии (С. 80), делу революции.

Но Михаил так нервничал по этому поводу, так боялся, что этим я погублю себя. Он говорил мне, что любит меня, что я ему нужна, что он не может меня потерять...

Эти нервные разговоры закончились наконец его нервным припадком. И я пожалела его и никуда не пошла. И это мучает меня до сих пор. Был он приговорен к десяти годам высылки в дальние лагеря без права переписки. В конце лета, 31 августа, была арестована его жена и, как член семьи, выслана на 8 лет в сибирские лагеря. Двоих девочек, дочерей, отправили в детские дома, в Ивановскую область, в разные города, а сына, которому только что исполнилось 16 лет, оставили в Ленинграде.

Этот мальчик очень дружил с нашим сыном и, когда он на другой день после ареста матери пришел к нам и рассказал о своем горе, Михаил сказал мне: «Если хочешь, возьмем Вовку к себе».

Он был очень добрый человек, Михаил, и Вова прожил у нас до самого своего ухода в армию, и во время войны, и после, приезжал к нам, как в свою семью.

Михаил в то лето был «хороший», и мне не в чем было его упрекнуть, но все же так часто бывала у него раздражительность по пустякам, по самому незначительному, ничтожному поводу и это, конечно, очень огорчало меня. Летом я немного работала – что-то печатала для него.

### 1937–1938 гг.

Эта зима прошла в общем спокойно – с Михаилом мы ссорились редко и мирились быстро. В начале сентября он, как обычно, уехал отдыхать в Коктебель и присылал мне оттуда такие заботливые телеграммы и письма. <...>

11 сентября 37 г. – Открытка: «Здравствуй, Вера! В Коктебеле очень хорошо. Погода замечательная. Но дня два пришлось прихворнуть – болело горло – думал, что ангина, но все обошлось. Видимо, простудился (купался). Общее здоровье лучше – сон налаживается и нервы крепче. Хотел бы знать, как у вас. Это единственно меня несколько тревожит. А так остальное все хорошо. Напиши несколько строк, как ты и Валюша. Целую. Привет. Михаил» (С. 81).

Вскоре прислал письмо – 17 сентября 37 года: «Здравствуйте, дорогие Вера и Валюша! Надеюсь, что у вас все в порядке и вы здоровы. Одну Вашу телеграмму получил. Рассчитываю, что письмецо также получу до 1-го. У меня все как будто хорошо. Немного поболел. Но теперь снова здоровье порядочное. И даже сон налаживается. Но в смысле работы мне и тут не дают покоя.

На днях “Известия” просили фельетон о Керенском.<sup>56</sup> Обещал (для октябрьского номера) сдать в первых числах. Но работа не трудная. И за 2 дня (в Москве) я успею сделать. Также теревит меня “Крокодил”. Уже близки сроки для окт. номера. Придется, видимо, несколько дней пожить в Москве. И кое-что подготовить тут.

Что касается “Правды”, то они передали мой рассказ в “Крокодил”, как я и предполагал.

“Правде”<sup>57</sup> тоже придется написать в Москве.

Тут в Коктебеле я повел себя неосторожно. Лежал по часу и больше на пляже. И без привычки к этому – обгорел и стал очень нервни-

чать. Врач сказал, что это от солнца. И, пожалуй, это так. За 11 дней, что я здесь – все время дивная погода, без облачка. Солнце жаркое, как в июле.

Кормят весьма хорошо. Но пополнить я не пополнял – видимо, курение причина. Да и простуда меня несколько выбила из равновесия. Но, в общем, все хорошо. Поездкой я доволен. Коктебель мне нравится все больше. И если б не дела, я досидел бы тут до 7 октября, т. е. месяц. А так, видимо, 1-го поеду в Москву. Но об этом я еще сообщу.

Желаю тебе спокойствия и бодрости.

Валюшка уж, наверно, отбился от рук. И ежедневно, небось, моетсЯ по гостям. Ну, целую. Поменьше грустите.

Ваш муж и отец. Михаил».

17 сентября: «Надеюсь, день именин справляешь по старому стилю – 30, а не 17. На всякий случай – поздравляю. И подарок за мной».

24 сентября 37 года: «Все хорошо, телеграфируй здоровье. Целую. Михаил».

27 сентября 37 года: «Возьми Литфонде 500 рублей. Телеграмму Хаскину дал. Целую. Михаил».

Не забыл и поздравить с именинами.

29 сентября 37 года: «Сердечно поздравляю, целую, пятого выезжаю Москву, буду звонить по телефону. Михаил».

5 октября 37 года: «Сегодня выезжаю в Москву, буду телеграфировать день приезда домой. Целую. Михаил».

7 октября 37 года: «Остановился гостиница “Москва” 302, задержусь 4 дня. Сегодня послал срочным телеграфом 500 рублей, надеюсь получишь 8-го утром. Целую Михаил».

Последняя, срочная – очевидно, в ответ на мой запрос о здоровье.

11 октября 37 года: «Здоров, много работы, выезжаю домой 13. Целую. Михаил».

Итак, к середине октября Михаил вернулся в Ленинград.

Шла зима 1937 года. Тяжелая, страшная, трудная зима... Аресты не прекращались. Был арестован и выслан мой бедный брат Боря, тихий, скромный, «маленький человек». Была арестована и его жена. А потом их выслали на 10 лет в разные лагеря. Бедная моя мама тяжело переживала это несчастье.

В нашей «писательской надстройке» была арестована чуть ли не половина проживающих в ней писателей. Все это было ужасно, непостижимо, чудовишно.

Наш «Совет жен» вскоре распался. Никакая общественная работа после всего случившегося не могла привлечь меня...

Я стала посещать лекции по истории искусств, которые читались в Эрмитажном театре. Эти лекции увлекали меня, и я буквально каждый вечер до половины 11-го проводила в Эрмитаже, так что времени свободного у меня опять не было, и я снова забросила свой дневник.

В ту зиму Михаил писал главным образом мелкие рассказы, а также написал большую повесть о Керенском – «Бесславный конец».<sup>58</sup>

Я всю зиму чувствовала себя очень плохо, и даже Михаил решил, что мне надо полечиться, поехать на юг. В конце марта я и выехала – сначала в Батум, а потом получила путевку в санаторий на Зеленом Мысу, где и прожила больше месяца.

От Михаила за этот месяц получила одно подробное письмо и ряд телеграмм. Сам он сразу после моего отъезда уезжал в Москву по делам.

Он писал:

«11 апреля 38 года.

Здравствуй, Вера!

У нас все идет хорошо. Валюша ведет себя прилично. Возвращается не поздно. Занимается с немкой и с Ив. Петр. Не погуливает почти (С. 83) – раз только пропустил, проспал. Я весьма сильно занят – собираю книгу. Пишу маловато, но кое-что пишу для “Крокодила”.

Сплю теперь прилично, настроение хорошее. Так что со всех сторон как будто бы все удается. С деньгами пока тоже ничего себе, но потом возможно – затор, хотя полагаю, что книга, которую собираю, даст возможность летом не загружаться работой.

В Москве меня чествовали весьма торжественно,<sup>59</sup> был банкет, произносились речи. Пришлось мне заявить, что я не юбиляр и что меня смущают такого сорта приветствия. Выступали – Толстой,<sup>60</sup> Эренбург,<sup>61</sup> Шкловский,<sup>62</sup> Всеволод Иванов<sup>63</sup> и многие другие. Говорили очень возвышенные слова.

Вечер также прошел очень хорошо. Ильинский<sup>64</sup> читал мои рассказы. И я порядочно много читал. И все нашли, что читал я очень хорошо. В газетах были отчеты. Даже в хронике отметили, что я “прибыл с Красной стрелой в Москву”.

Все это мне весьма непривычно. Лет десять назад это порадовало бы, а сейчас не особенно трогает. Но вообще любопытно, что началось такое ко мне любовное отношение. Вероятно, и слово Горького повлияло на умы.

Кажется, 15–16 предстоит в Москве вечер памяти Ильфа,<sup>65</sup> и писатели очень просили меня выступить. Ехать мне неохота, но статью написал. Вероятно, пошлю, чтобы прочли на вечере. А если поеду, то на 2 дня. Валюша без тебя вел себя вполне добросовестно, так что мое трехдневное отсутствие прошло без происшествий. Два твоих письма получили. Но не все разобрали. Ты пишешь слабым карандашом, и при твоём почерке это очень нелегко разбирать. Так что мы с Валюшей кое-что и не поняли.

Письма идут 7 дней, а то и 8, так что сведения все запаздывают. По этой причине лучше буду телеграфировать, а ты, конечно, пиши. Только поясней. Тебе я послал 3-го – 500 рублей и 5-го апреля – 300. Надеюсь, что получила.

Итак, будь здорова. Валя и я целуем тебя. Если будешь писать или телеграфировать, то, на всякий случай, учти, что 15–17 я могу быть в Москве. Но это на всякий случай. Скорей всего, не поеду. Ну, привет. Поправляйся. Мих.» (С. 84).

В телеграммах он сообщал, что поездка в Москву была очень удачна, что 500 рублей и посылку, которую я просила прислать – необходимые мне, как оказалось, вещи – высылают, чтоб я обязательно взяла путевку в санаторий, что 300 руб. добавочно высылают. <...>

Ровно 5-го мая, в день Валиного рожденья, я вернулась в Ленинград. И сразу же начались мои «обиды и огорчения» и «недовольство» Михаила... Едва я приехала, мне позвонила мать моей приятельницы, сестры подруги моего детства – она была серьезно больна, и мать просила меня через Михаила что-нибудь сделать, чтобы ей обеспечить хороший уход и внимание в больнице. И мне пришлось весь день потратить на телефонные звонки и переговоры по этому поводу. А мама в это время сломала руку и расшибла ногу, и тоже звонила мне и требовала моей помощи. Вечером же мне пришлось устраивать Вале вечеринку по случаю его дня рождения.

На другой день снова пришлось продолжать вчерашние хлопоты о больной, а вечером говорила по телефону с мамой – собиралась ее навестить. И тут Михаил выразил свое недовольство тем, что я «весь день вишу на телефоне, и телефон ему не принадлежит», хотя я говорила по исключительно серьезным, важным делам.

Вечером я зашла к нему в комнату – «он лежал на постели, жаловался, что чувствует себя плохо – нервы. Сказал, что весь месяц чувствовал себя прекрасно, а сейчас – болен».

И это было очень неприятно и обидно – выходит, что мой приезд принес ему болезнь? И снова он начал раздражаться и сердиться по пустякам, и снова началось наше «отчуждение». И мне стало казаться, что «он ушел от меня навсегда»... (С. 85).

Мне очень хотелось дать ему отдых и покой в Сестрорецке, но он решил уехать в Коктебель. И мне стало казаться: «Ему без меня хорошо и спокойно жить и работать. Подсознательно он всегда стремился к тому, чтобы уйти, стать свободным... Ему плохо дома, домашние дела не нужны и тягостны для него. Это – психоз, самовнушение, но это факт».

Так думалось мне, а вот что писал он. Первое письмо: «Вера и Валюша, привет! Погода у нас в Коктебеле наладилась, стало жарко, купаются.<sup>66</sup> Целые дни лежу на берегу или на веранде. Очень поправился. Прибавил 4 фунта. Много ем, хорошо сплю – Коктебель всегда действовал на меня отлично. То, что я выбрал июнь, – это правильно. Я выезжал всегда в октябре, чтоб было поменьше людей. Но октябрь всегда был холодный. А в июне чудесно. Хожу по берегу – совершенно пустынно. Можно раздеваться. Народу исключительно мало. Так что я очень доволен. Сценарий почти что поправил, так что как приеду – дам в переписку и представлю к 29 июня, как им обещал.

В общем, тут поживу числа до 19–20. Жалею весьма, что нельзя до 1-го. Был бы отличный отдых. Как-то Валюшка? Небось, гоняется и мало работает. А ты, небось, занята квартирными хлопотами. Вот уж наша новое страдание. Так можно было бы спокойно жить. К чему все это? Я непременно буду почаще ездить – весной, осенью и зимой. Я теперь понимаю, как можно жить в полном душевном спокойствии, что самое важное и для жизни, и для работы. Ну, не сердись за сенсацию. Привет. Целую вас обоих. Мих.».

И вот второе: «Здравствуй, Вера! Что-то ты мне ни одного письма не написала: наверно, с Валею занимаешься или ничего особенно хорошего у вас нет, а о дрянном писать не хочешь? В Коктебеле я последние дни. 20-го еду в Москву. Там надеюсь не задержаться – пробуду 1–2 дня. В крайнем случае, если задержусь больше 2-х дней – вышло телеграфом деньги. Как приеду в Москву, сообщу телеграфом – вероятно, 22–23 числа. Работа моя над сценарием подходит к концу.<sup>67</sup> Пришлось изрядно проработать сюжет. Отдыхать особенно не удалось – так как работа оказалась кропотливая. (С. 86)

Но поездка все же пошла на пользу – чувствую себя довольно хорошо. О комедии же почти не думал – не успел. Поработаю в Сестро-

режке. Как-то Валюша? Не нахватает ли он переэкзаменовок? Ну, целую вас обоих. Привет. До отъезда еще напишу коротенькое письмецо. А 22 я сообщу телеграфом день моего приезда и, скорей всего, в тот же день вышлю деньги, если “Крокодил” задержит меня на 2–3 дня. Ну, привет – желаю успеха в Валиных делах. Целую. Мих.».

В конце июня Михаил приехал в Сестрорецк. Начал работать над комедией «Опасные связи». Лето проходило спокойно.

В июле Михаил на несколько дней уезжал в Ленинград – приезжал «Крокодил» во главе с Кольцовым, и его «вытребовали» в город...

И он, задержавшись в городе против обещанного на день, прислал мне эту записку: «Вера, я хотел приехать 11-го утром, но Кольцов не отпускает. Просит остаться еще на день. Выступить не приходится, но разъезжаем по окрестностям – собираем материал. Кроме того – обеды, встречи и т. д. “Крокодил” уезжает 12-го, так что 12 вечером я буду дома. А если придется провожать их, то приеду 13-го утром. Немножко, конечно, досадно, что пропадает хорошая погода. Но отказаться неудобно, да и до некоторой степени интересно. Вчера ездили в Петергоф на машинах. Осматривали музеи. Нашли массу недочетов.

Итак, приеду 12 вечером или 13-го утром (в 12–2 ч.).

Привет. Не хандри. Мих.

Правление Литфонда считает, что если у нас с корниловской квартирой не выйдет, то Союз будет хлопотать о предоставлении мне хорошей квартиры. (Как Тынянову.) Посмотрим».

(После ареста Корнилова его жена ждала высылки... И она согласилась одну комнату своей квартиры передать О. Д. Форш, к квартире которой она примыкала. Тогда я стала думать о том, чтобы вторую комнату, примыкающую к нашей квартире, передали бы нам. Об этом и упоминал Михаил в своей записке.)

В середине августа я с Валею неожиданно отправилась в большое путешествие по Кавказу, и Михаил безотказно высылал мне деньги на это путешествие (С. 87).

Вернулись мы в начале сентября, а 27 сентября Михаил уехал, как обычно, в Коктебель, а потом в Москву, где задержался на 4 дня – работал для «Правды». За почти месяц отсутствия прислал всего 5 телеграмм <...>.

Приехал, как обещал, – 21 октября. И тут снова началось что-то странное – он снова, чего давно уже у него не было, – начал по вечерам уходить из дома, причем никогда не говорил мне, куда идет...

Жаловался, что издательства не подписывают договоров на старые книги – переиздания, а новых у него нет. И с кино все еще ничего не было выяснено.

14 ноября он уехал в Москву. 18-го прислал телеграмму – «Все хорошо, задержусь на 4 дня, деньги pošлю завтра телеграфом. Надеюсь здоровы. Целую Михаил». 20 ноября он уже вернулся.

Начал ходить в кино с «девушкой»... Стал возвращаться домой в 6–7 часов утра. Но я с ним не ссорилась, хотя меня очень удивляло, что это может его интересовать. Вообще же отношения наши были какие-то странные. Некоторое время все было спокойно, как-то долго говорила с ним о его комедии – «Опасные связи», над которой он тогда работал. Читала сценарий и повесть – ему для отзыва.

Говорили с ним – все «по-хорошему», были «близкие отношения». А потом неожиданно рассорилась с ним. Спросила у него денег на прачку – рассердился. А потом, когда я зашла к нему, вдруг стал кричать, что не желает говорить о деньгах и о квартире, даже не выслушав, что я хотела ему рассказать.

И на другой день «неприятности» продолжались, а ночью, хотя вернулся поздно, зашел ко мне... И на следующий день разговорился очень дружелюбно, рассказывал о своих делах и, конечно, была «близость»... Все это было очень странно и непонятно. В это время несколько дней подряд печатала ему.

С 25 ноября начались у меня усиленные хлопоты в связи с перепланировкой квартиры, которую я затеяла, главным образом в его и Валиных интересах и, естественно, мне иногда приходилось говорить с ним о «квартире», хотя в основном я старалась обходиться (С. 88) самостоятельно.

По-прежнему я ходила на лекции в Эрмитаж и Русский музей и занималась с Валей, была очень занята.

Новый год – 1939-й – мы встречали уже в комнате корниловской квартиры, хотя перепланировка еще не была начата. Присутствовали на встрече и сестры Михаила, против чего я, конечно, ничего не имела, но Михаил этим почему-то остался очень недоволен, и сразу же после Нового года начались у нас с ним совсем неожиданные неприятности.

Я писала: «Я ничего не требую от него, ни в чем не упрекаю, не стесняю его свободы... Я даже ничего не покупаю себе, потому что знаю, что у него нет денег...».

И все-таки он находит предлоги, чтобы в чем-то обвинить меня, упрекать в том, что я мешаю ему работать, я засоряю его голову какой-то чепухой, с чем-то пристаю к нему...

Сейчас он внушил себе, что ему дома плохо, что мы мешаем ему работать, что он боится, когда я захожу в комнату, потому что ждет от меня неприятностей.

Он упрекает меня за все: за то, что в Новый год пришли его сестры, за то, что Вале, вопреки <его> желанию, сделали костюм, а не пальто, за то, что я вошла в его комнату положить книгу и якобы помешала ему работать, хотя он вовсе не работал, а раскладывал карты, за то, что идет много денег, хотя я стараюсь тратить как можно меньше.

В это время он был поглощен свои «психоанализами» – поисками своего «несчастливого происшествия». М<ожет> б<ыть>, у него начал проявляться «страх женщины»? Впрочем, «страха» ко мне, как к женщине, у него не было никогда. Или просто эта моя возня с перепланировкой, этот начавшийся ремонт просто беспокоил его и действительно мешал работать? Но от этой перепланировки он выигрывал – получал почти «отдельную квартиру» – с маленькой приемной и собственной умывальной, что всегда было важно для него, он мог, закрыв три двери, быть совершенно изолированным от нашей жизни.

Но, м<ожет> б<ыть>, эти мои разговоры о том, как лучше сделать перепланировку, действительно мешали ему работать, были той «чепухой», которая «засоряла» ему голову? Он стал «бояться», когда я входила в его комнату – м<ожет> б<ыть>, в этом проявлялся его «страх женщины»?

Он стал считать, что я гублю его талант и жизнь – такой мысли у него никогда не было прежде – все 20 лет нашей жизни!

Очевидно, причина была совсем не во мне – в эти годы в литературе работать становилось все труднее и труднее. Строгая цензура предъявляла к писателям такие требования, подчиниться которым он был не (С. 89) в состоянии, а писать так, как он хотел, как находил для себя возможным и интересным – он уже не мог...

В это время он писал такие «не его вещи», как «Черный принц», «Тарас Шевченко»,<sup>68</sup> в которых, конечно, не было возможности развернуться его таланту и в которых он не мог сказать «своего слова». Вот что губило его талант, а он перекладывал все на меня...

В это самое трудное время группа писателей была награждена орденами, и Михаил был представлен к ордену Трудового Красного знамени.<sup>69</sup>

Вскоре после получения известия об этом радостном событии он уехал отдыхать в Сочи – тем более что ремонт уже должен был коснуться и его комнаты. Конечно, жить в «строющейся квартире» было для него невозможно, и 20 января Михаил выехал на Кавказ.

Получила от него за время отсутствия 3 письма и 10 телеграмм – и они, казалось бы, никак не говорят о его враждебном ко мне отношении. Может быть – дело было просто в его раздражительности, нервности?

Вот его открытка с дороги: «Вера, еду хорошо. Все получилось лучше, чем я думал. Машина была подана. Билет привезли. Поезд на Сочи отошел вовремя. Мягкий билет поменял на международный. Так что еду в купе один. Ресторан имеется. Забыл тебе сказать, что если дверь в мою комнату будет через мою умывальню, то приемную не уменьшайте... Ну, сами разберитесь, чтоб было лучше. Привет Вале. Мих. В Туле совсем тепло, солнце». (Открытка опущена в Туле – 20 января 39 г.).

В телеграммах сообщал, что доехал хорошо, сообщал адрес (21 января 39 г.), затем просил телеграфировать, как дела – «не имею известий со дня отъезда (29 января), в тот же день – что письмо получил и чтоб ремонт делали по своему усмотрению, а 1 февраля – уже о том, что 11 февраля едет в Москву – «телеграфируй, будет ли готова моя комната пятнадцатому, привет, целую. Михаил».

В открытке от 27 января писал: «Вера, у меня все хорошо. Прибавил даже весу – кило. Погода теплая. Солнце бывает каждый день. Так что лежу на веранде в пижаме. Работа идет довольно медленно. Но я решил не особенно торопиться. С 1-го начну работать более усиленно.

В общем поездкой доволен. Интересно, что в Сочи нет картины осени или весны. Масса зелени. Нет никакой разницы, когда я был как-то осенью. Привет Валюше. Наверно, сбились с ног от строительства. Сами виноваты. Привет. Целую. Михаил» (С. 90).

От 3-го февраля (письмо):

«Вера, Сочи мне надоели изрядно! Если б не работа – не остался бы тут дня. Работа идет хорошо, но довольно медленно – заканчиваю 2-й акт. Работа очень нелегкая, технически – это необычайно трудно сделать, правильно выписать характеры и создать правильные отношения.

1-й акт получился, кажется, очень хорошо.

2-й тоже получается прилично.

3-й – самый легкий – это напишу без труда.

Здоровье мое было сначала хорошим, но потом неожиданно ухудшилось. Так что я снова стал терять свои 2 кило, что тут приобрел. Сейчас мне стало лучше. Снова появился аппетит, а то дней пять ел насильно. Я полагаю, что это случилось от скуки. Тут скучно невероятно – не с кем слова сказать. Ну и работа, конечно, – весьма затрачивает нервы, тем более что я без перерыва начал писать комедию. Получил целую грудку поздравительных телеграмм – штук 40, не меньше. Не понял, откуда узнали мой адрес. Надо полагать, что и в Ленинград посылают поздравления – ты сохрани.

А если что важное – сообщи телеграммой. Здесь тоже меня чествовали – оркестр играл туш и народ аплодировал.

Орден для меня – полная неожиданность. Вот уж меньше всего ожидал. Небось, какие-нибудь льготы будут – в трамвай с передней площадки будут пускать и, кажется, проезд бесплатный по жел<езной> дор<оге>.

Ну, привет. Сюда больше не пиши. Письма идут что-то дней 6. На днях пошлю посылку со своим барахлом на твое имя. В Москве буду к ночи 13-го. 14-го дам телеграмму и, вероятно, 16-го буду дома. Ну, до свиданья. Привет Валюше. Мих.».

(В Сочи у него брали «интервью», о чем печатали в местной газете, фотографировали. Фотография сохранилась.)

8 февраля 39 г. телеграмма: «Комедию закончил хорошо. Очень устал. 11 еду в Москву. 14 буду телеграфировать день приезда. Привет. Михаил».

(Он понимал, что дело в болезни. Потеря аппетита – не начало ли это «психоневроза с едой», который так мучил его впоследствии?)

Точно 14-го была телеграмма: «Задержусь в Москве 6 дней. Сегодня послал телеграфом 400 рублей. Остановился в гостинице “Москва”. Все хорошо. Привет. Михаил» (С. 91).

18 февраля телеграмма: «Двадцатого читаю комедию писателем.<sup>70</sup> Кажется, получилось хорошо. Приеду 22. Вчера получил орден.<sup>71</sup> Привет. Михаил».

21 февраля телеграмма: «Комедию читал с большим успехом. Дела задерживают еще на три дня. Буду дома 25. Привет. Михаил».

Когда он вернулся, был очень доволен своей комнатой. Вообще же после его приезда из Москвы, после получения ордена и удачного окончания комедии «Опасные связи», которую, конечно, я ему перепечатывала, а также после окончания действительно беспокойного строительства, жизнь как будто вошла в колею, все было спокойно.

Примерно через месяц, в конце марта, Михаил снова выехал в Москву – вызвал его «Малый театр», который заинтересовался его пьесой.

24 марта 39 г. он телеграфировал: «Театр решил ставить мою комедию “Опасные связи”. На днях читаю труппе. Телеграфируй здоровье. Целую. Привет Валюше. Михаил».

От 31 марта: «Приеду третьего. Комедия очень понравилась. Договор подписал. Привет Валюше. Целую Михаил».

Конечно, Михаил был очень счастлив таким успехом его комедии, которую вынашивал и над которой работал так долго и упорно. Но его надеждам не суждено было сбыться... <...>

В мае 1939 г. Михаил ездил в Киев на Шевченковские торжества. В этом же году была написана его повесть «Тарас Шевченко».<sup>72</sup>

Лето 1939 г. прошло спокойно. Этим летом мы наконец решили приобрести «собственную дачу» на Полевой 14-а,<sup>73</sup> о которой мне давно говорили соседи. Дача Михаилу понравилась, и с тех пор каждое лето мы проводили на этой даче – Полевая 14-а...

### 1939–1940 гг.

Эта осень принесла мне массу хлопот и волнений – были неудачи с Валиным поступлением в театральный институт – сначала на актерское, потом – на театроведческое отделение. А 4-го сентября вышел приказ о призыве в армию восемнадцатилетних, закончивших школу. А этот призыв отодвинул бы поступление в вуз на три года...

Возможно было, что его забракует приемная комиссия, так как его лечащий врач, который лечил его с пятилетнего возраста, давно находил, что с сердцем у него неблагополучно, подозревал наследственный порок сердца. Нужен был рентгеновский снимок, который подтвердил бы диагноз Трухина. Обо всем этом пришлось хлопотать мне одной, так как Михаил уже 12 сентября уехал отдыхать в Коктебель, откуда вернулся лишь 14-го октября (С. 92).

Думается мне, что он поторопился уехать, чтобы избежать всех возможных волнений, связанных с данными делами – очевидно, говорил в нем «инстинкт самосохранения», самосохранения главным образом ради его творчества, его работы.

Но, конечно, он беспокоился и волновался за Валю. Прислал за это время 11 телеграмм и одно письмо. Уехал он уже после того, как

начались мои волнения в связи с Валиным призывом в армию, поэтому он в первой телеграмме сообщал 15 сентября: «Поезд запоздал, пришлось ехать через Ялту, завтра буду в Коктебеле. Телеграфируйте туда 16-го, диагноз врача и что показал снимок. Привет Валюше. Целую. Михаил». <...>

26 сентября в письме он писал: «Вера и Валюша! Что-то я ничего не понял – сначала вы писали, что диагноз не подтвердился, потом оказалось, что Трухин был прав. Надо полагать, что последняя телеграмма была правильной. Об этом диагнозе (если он точный) надо сказать на комиссии. Вы мне очень скудно сообщаете обо всем. И я так и не знаю – как Валины экзамены и осматривала ли Валю комиссия.

Сейчас писать в Коктебель уже не стоит, так как, видимо, пятого числа я уезжаю. Путешествие будет не из приятных – говорят, что поезда из Феодосии не плацкартные. Ну, как-нибудь до Москвы перебьюсь. Из Москвы буду телеграфировать день приезда.

В Коктебеле сначала было очень хорошо, но отдых портило волнение тех дней. А сейчас погода стала препаршивая – идут дожди, народу почти нет. Так что скучно весьма. С охотой бы уехал сегодня, но здоровье не особенно хорошо – сон плохой, и потому заставляю себя прожить тут еще неделю.

В общем, дней через 9 поеду в Москву, где останюсь дня на 3–4. Надеюсь, что ваши волнения улеглись – события не так уж грозны, как тебе казались. Ну, привет, целую вас двоих. Скоро увидимся. Михаил.

В общем – уехал я правильно. Все же тут мне было спокойно. И кое-какое улучшение есть» (С. 93).

Это письмо подтверждало – действительно, уехал он, чтобы ему было «спокойно». Но мои «волнения» все не кончались – в Театральный институт на актерское отделение Валя не попал из-за дефекта речи – он с детства немного картавил. Я посоветовала ему держать экзамен на театроведческое отделение, о чем и сообщила Михаилу, на что он ответил:

29 сентября: «Здоров, все хорошо. Уеду, вероятно, пятого. Рад, что Валя держит экзамен. Целую. Михаил».

А в это время – Валина неудача на письменном экзамене, снова волнения, хлопоты мои, огорчения...

А Михаил телеграфировал:

30 сентября: «Билет заказан на седьмое, приложу все старание приехать скорей, не огорчайтесь. Ничего плохого не будет. Крепко целую тебя и Валюшу. Михаил».

Мне все кажется – он совсем не хотел и не собирался приехать «скорее» – напротив, он, может быть, даже «подсознательно» хотел приехать как можно позднее, когда все уже будет позади, когда его «помощь» будет уже не нужна.

5 октября еще телеграмма: «Билет получил на 7-ое в Москву. Десятого буду телефонировать, не беспокойся за Валю, не сомневаюсь, все будет хорошо. Не огорчайся. Крепко целую Валюшу и тебя. Михаил».

Ясно – он всячески оттягивал свой приезд и даже вместо того чтобы «телефонировать» из Москвы, как обещал, снова прислал лишь телеграмму.

И, наконец, телеграмма 10 октября: «Если достану билет, приеду 12, в крайнем случае выезжаю 13. Почти здоров. 400 послал сегодня телеграфом. Целую. Михаил».

И последняя телеграмма 12 октября: «Вероятно, получу билет на 13, встречать не надо. Здоров. Целую. Михаил».

Итак, он приехал позднее, чем обещал. И задержался он, очевидно, не из-за болезни, а лишь из-за желания как-то «оттянуть» еще ожидаемые дома «неприятности».

Винить и упрекать его за это – нельзя – так он был «создан», и требовать от него, чтобы он стал другим – «нормальным», здоровым и сильным, энергичным человеком – было бы бессмысленно и даже жестоко (С. 94).

Несмотря на все его «хорошие», успокаивающие телеграммы, приехал он – какой-то холодный и далекий, и ничего, кроме упреков, жалоб и обвинений. Упреков – за то, что волновала его телеграммами, а я только сообщала ему то, что случилось, а он сам даже упрекал меня за недостаток сведений о Вале, сам писал: «вы мне очень скудно сообщаете обо всем». Жаловался он на сердце, а меня совсем неожиданно стал обвинять в том, что я мешаю ему работать, что он из-за меня «теряет квалификацию», не может писать...

Но ведь в течении всех 22 лет нашей с ним жизни ничего подобного не было, а дело в том, что к литературе стали предъявляться такие требования, ответить на которые ему было трудно...

Обвинял он меня и в том, что я всю жизнь мучаю его своими «расстройствами» – то из-за его «любовных дел», то из-за квартиры, то из-за несчастий с моей матерью, братом, то из-за беспокойств за сына...

Он стал бояться даже разговаривать со мной – зайдет в комнату и скорей, скорей убегает, не дослушав даже моих слов. Он не делится со мной ничем, разве только планами о работе, и то не терпя никогда

ни малейшей критики. Появился у него по отношению ко мне холод, недоброжелательство, пренебрежение, недовольство – какой-то «страх» меня, страх разговоров со мной... (Я тогда инстинктом угадала – еще не будучи знакома с его «Перед восходом солнца» – это был именно «страх меня», один из его «страхов», «фобий».)

Я ничем не могла ему помочь, успокоить его – ему было нужно одно – чтобы его не трогали, не вмешивались в его жизнь, не мешали работать, ничего не требовали от него...

И я перестала ждать от него помощи и поддержки, я поняла, что и не могу, не смею требовать ее от него.

<Дата нрзб.> Я писала: «Вчера, вместо того чтобы получить от Михаила поддержку и утешение (по поводу Валиных неудач), мне пришлось успокаивать и уговаривать его самого.

Я считаю, что он, конечно, ненормален – вернее, он чрезвычайно остро, болезненно реагирует на все, преувеличивает, сгущает краски. В его сознание западают какие-то отдельные факты, слова, впечатления, болезненно преломляются, получают уродливую, фантастическую форму. От этого он сам страдает, приходит в отчаяние, жизнь кажется ему загнанной в тупик, в безысходность...

У него две мании – первая – что он очень болен, что у него декомпенсация сердца, отеки ног, а лечиться, показать сердце врачам (С. 95) он не хочет.

(Возможно, это был «уход в болезнь», чтобы его оставили в покое, ничего от него не просили, не требовали. Возможно, что и признаки – «отеки ног» у него действительно были, но были внушены им самим – как он писал о таких случаях впоследствии в «Перед восходом солнца».)

Вторая мания – что ему дома плохо, что я мешаю ему работать, что он «погубил свое творчество», потерял «квалификацию» – и все это из-за меня.

(Однако раньше, до этих лет, он не терял «квалификации» и писал в полную силу, значит – дело было не во мне, а в другом...) Конечно, очевидно ему нельзя жить обычной, нормальной жизнью, он не может совмещать творческую работу с житейскими волнениями и невзгодами, ему нужны для работы абсолютное спокойствие и ясность. Его волнуют и нервируют малейший житейский пустяк, малейшие неприятности, даже просто – малейшее дело, в котором нужно принять участие.

Ему действительно нужно было жить «под стеклянным колпаком», как сказал когда-то доктор Василькевич<sup>74</sup> (в 1922 г.).

Он хороший, честный, до болезненности честный и благородный человек, но он человек с ненормальной, больной психикой: он жалеет и страдает, но помочь не в состоянии, это идет против его характера, его натуры, его больной психики. Он только щедрой рукой сыплет в утешение свои деньги, деньги, заработанные тяжелым трудом, большим напряжением – и он огорчается, сердится, негодует, что эти деньги не дают желанной радости и успокоения.

Надо его пожалеть, надо ничего от него не требовать, не ждать его помощи и поддержки, потому что нельзя требовать от человека того, что он сделать не в силах.

Он ничего не сделал для Вали, конечно, это можно объяснить только больной психикой, ненормальным страхом перед жизненными вопросами, детской «травмой», о которой он сам говорит (см. «Перед восходом солнца»). Требовать от него ничего нельзя, требовать от него что-либо – преступление. Его нельзя «просить просить» что-либо, так как этого он не может, это у него связано с болезненными, ненормальными представлениями, почему из его просьб никогда ничего не выходило.

Наконец, все наши волнения закончились благополучно. В армию Валю не взяли. Очевидно, рентгеновский снимок и диагноз врача показали, что по сердцу он для армии непригоден (С. 96).

В конце концов и в институт Валю зачислили, отметки у него по всем предметам приличные – хорошие и отличные, так что решили простить ему его «малограмотность», возможно, «наследственную», принимая во внимание «единицу» Михаила Зоценко на экзамене на аттестат зрелости.

К сожалению, хотя все волнения, связанные с Валей, закончились благополучно, это не внесло успокоения и радости в жизнь.

2 ноября я писала: «Михаил – груб, раздражителен, ворчлив, опять бесконечные несправедливости, обиды, оскорбления и злоба...».

Я никак не могла понять – в чем же тут дело? Ведь я ничем больше не докучала ему, ничего не требовала... Чем он был недоволен, что ему было нужно? Непонятно!

М<ожет> б<ыть> – неудовлетворенность работой?

М<ожет> б<ыть> – переутомление от этой работы?

Или во всем виноваты его поиски «несчастливого случая», его «психоанализы», его вечные мысли о своей болезни?

Так шла зима 1939/40 г., зима войны с Финляндией.<sup>75</sup>

Очень огорчали меня такие ненужные и нелепые ссоры с Михаилом. Но вот, как раз в день окончания войны, я писала: «Михаил, ко-

нечно, все-таки хороший и, по-своему, хочет мне хорошего, вот сейчас пришел ко мне, потому что ему беспокойно и нехорошо на душе из-за того, что он обидел меня, он пришел со своим милым и наивным способом примиренья...» (С. 97).

---

<sup>1</sup> Нэп – Новая экономическая политика, проводимая Коммунистической партией Советского Союза в 1920-е гг. после периода военного коммунизма. О переходе Советского государства к нэпу было объявлено на X съезде ВКП (б), который проходил в Москве с 8 по 16 марта 1921 г. На этом съезде было принято решение о частичном восстановлении государственного капитализма в Советской России: разрешение частной собственности, свободной торговли, замены продразверстки взимаемым продналогом. В. И. Ленин выражал твердую уверенность в том, что из «России нэповской будет Россия социалистическая» (*Ленин В. И. Собр. соч.* 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 309).

<sup>2</sup> Жакт – аббревиатура названия жилищно-кооперативного товарищества.

<sup>3</sup> Вера Владимировна кратко пересказывает хорошо известную историю об отношениях М. Горького и М. Зощенко в связи с «уплотнением в квартире ленинградского писателя», которое происходило в сентябре 1930 г. и знаменовало новый этап жизни всей его семьи. Будучи знакомым с Горьким с 1921 г., Зощенко написал ему письмо 8 сент. 1930 г., в котором, в частности, просил его сообщить в жакт им. Горького, «чтобы не вселяли чужих людей, а оставили бы того техника, который второй год проживает в моей квартире» (Архив М. Горького, ИМЛИ РАН, Москва) // Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Незданная переписка. М., 1963. С. 160).

М. Горький ответил из Сорренто 16 сент. 1930 г. в шутовском тоне: «Дорогой Михаил Михайлович! Вместе с этим письмом послал убедительное прошение Жакту и так убедительно написал ему, что – уверен: он, Жакт, прошение мое удовлетворит и комнату за техником оставит. Между нами: это – что такое Жакт? Жилтоварищество особой формы? На всякий случай пишу его с большой буквы. Вы, пожалуйста, известите меня о том, как Он с вами поступит» (Там же. С. 159).

Но М. Зощенко писал весьма серьезно по этому поводу 30 сент. 1930 г.: «Дорогой и многоуважаемый Алексей Максимович, я больше не буду надоедать вам своими письмами, мне только хочется ответить на ваше письмо, еще раз поблагодарить вас за внимание и рассказать о том деле, в которое я имел бесстыдство втянуть вас. Весь этот месяц я просто не находил себе покоя и ругал себя за то, что написал вам. Я бы никогда этого не сделал и не стал бы затруднять просьбами, но все сложилось как-то помимо моей воли. По правде сказать, мне было даже все равно – кто будет жить в моей квартире и сколько человек. Я уже с этим примирился и успокоился. Но тут жена проревела несколько дней, этот злополучный техник забросал меня письмами – как это я упустил его комнату, и домоуправление наговорило мне разных вещей. Поверьте, Ал<ексей> М<аксимович>, я не упоминал даже вашего имени и не хвалился знакомством с вами, я даже ничего не просил, но просто в удрученном состоянии написал то первое письмо, на которое вы так лобезно и внимательно откликнулись. Мне приятно вам сказать, что теперь, когда ЖАКТ вашего имени получил ваше письмо и пошел мне навстречу, – я ничем не воспользовался и попросил все оставить так, как есть, и даже оставить тех людей, которых мне вселили за это время. Алексей Максимович, я знал, конечно, всю силу вашего имени, но я попросту не предвидел того эффекта, который произойдет. И это, пожалуй, всего более меня удручило и переконфузило» (Там же. С. 160).

Несмотря на большое количество разных тем, которым уделяли внимание писатели в своей переписке, «квартирная проблема» сопровождала все интересные и сложные разговоры о творчестве. 13 окт. 1930 г. Горький отвечал на предыдущее письмо Зоценко: «Дорогой Михаил Михайлович – письмо ваше весьма смутило меня, вызвав такое впечатление, как будто я оказал вам услугу, внес в жизнь вашу излишнюю сумятицу. Это возможно, у меня бывает так, что я отворяю дверь в чужую жизнь с большим треском и довольно бестолково, что можно объяснить некоторой грубостью, присущей натуре моей, а также и торопливостью, с коей вообще я живу. Возраст у меня – “гробовой”, как сказано у Леонова в “Соти”, – кстати: отличной книге, – и возрастом объясняется торопливость мыслей, действий. Вы – извините мне, что я напумел...» (Там же. С. 163).

На этом можно было бы «закрыть» эту тему, но Зоценко 27 окт. 1930 г. продолжает ее муссировать, представляя в более обобщенном и комплиментарном виде: «Дорогой и многоуважаемый Алексей Максимович. Наверное, вы меня не так поняли. Или, может быть, я как-нибудь неуклюже выразился. Не “медвежью поддержку” вы мне сделали. Я прямо даже растерялся, когда прочел об этом. Нет! Кроме самой настоящей радости, я ничего плохого не получил от вашего письма.

Я как-нибудь неуклюже написал вам. Я написал, что поторопился к вам обратиться и браню себя за это – в том смысле, что мне стыдно было вас тревожить, стыдно было вообще просить и тем более просить вас. Тут очень сложные ощущения. Я, например, очень давно хотел вам написать письмо, но не писал, боялся с пустяками обращаться. И вдруг неожиданно для себя сунулся с какой-то дрянью, с квартирными делами. Вот в чем суть» (Там же. С. 164).

Горький заканчивает разбор этого «квартирного казуса» 8 нояб. (ровно через два месяца после его начала) 1930 г.: «Уверяю вас, дорогой Михаил Михайлович, что вы не внесли в мою жизнь отшельника ни малейшего беспокойства! Я был бы рад получить весточку от вас, потому что вы “интересный” человек, талантливый писатель и мне приятно, что я вас знаю, что вы – есть. Я был бы рад сделать что-либо приятное или полезное вам, и если мне это не удалось теперь, <может> б <ыть>, удастся когда-нибудь в будущем. Вот как расщедрился я на глагол быть, а – не люблю глагол этот, за его неблагозвучие» (Там же. С. 165).

<sup>4</sup> В журн. «Звезда» появляется повесть М. Зоценко «Возвращенная молодость» (1933. № 6, 8, 10), отдельное издание выходит в свет в декабре 1933 г. (Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1933). В письме М. Горькому 27 окт. 1930 г. М. Зоценко сообщает: «Я, к сожалению, не в силах вам сделать что-нибудь хорошее. Ну, я хотел посвятить вам свою последнюю повесть (имеется в виду «Возвращенная молодость». – Т. В.). Но в последний момент у меня не хватило духу. Может, вам это было бы неприятно, – я подумал. Тем более у меня не было уверенности в своей работе. Я хорошо задумал эту повесть. Но написал ее с некоторой что ли усталостью. Я пришло вам ее, как только она выйдет. Без уверенности» (Литературное наследство. Т. 70. С. 164). Зоценко прислал эту книгу М. Шагинян, с которой долгое время был дружен и находился в переписке (см. об этом: «Очень, очень люблю, с годами все больше и нежнее...»). Письма М. С. Шагинян к М. М. Зоценко (1925–1958) / Публ. Т. М. Вахитовой // Михаил Зоценко. Материалы к творческой биографии. СПб., 1997. Кн. 1. С. 107–147), с весьма красноречивым посвящением: «Все, что когда-либо я писал, я писал для кого-нибудь, т. е. всегда имел в виду какого-нибудь дорогого мне человека, который будет это читать. Эту же книжку я писал для Вас, дорогая Мариэтта. 10 янв. 1934. Мих. Зоценко. Ленинград».

<sup>5</sup> Об этом факте своей биографии, придавая ему особое идейное значение, М. Зощенко сообщал в письме М. Горькому от 30 сент. 1930 г.: «Я всегда работал по самым мелким журналам и всегда старался удерживаться от “высокой литературы”. Сейчас я, например, работаю в стенной цеховой газете и в печатной заводской. Я сам вызвался на эту работу для того, чтобы видеть всю жизнь и принести какую-нибудь пользу, так как, сколько я понимаю, художественная литература сейчас мало существенна и мало кому требуется. В этом смысле я давно уже перестроил и перекроил свою литературу. И из тех мыслей и планов, которые у меня были, я настругал множество маленьких рассказов. И я пишу эти рассказы не для того, что мне их легко и весело писать. Я эти рассказы пишу, так как мне кажется – они наиболее удобны и понятны теперешним читателям. Меня часто ругают за эту мелкую и неуважаемую форму, которую я избрал. Но я, хотя и начал литературу иначе, пошел все же на это дело в полном сознании, что так требуется, ожидая при этом всяких себе неприятностей. Надо сказать, что в этом отношении я кое-чего достиг, и меня не всегда даже сейчас упоминают в числе писателей. Я говорю это без малейшей грусти и огорчения. В этом отношении я просто, вероятно, лишен тщеславия» (Литературное наследство. Т. 70. С. 162). Многотиражная заводская газета, где работал на общественных началах М. Зощенко, называлась «Атака», и выпускал ее Ленинградский машиностроительный (впоследствии – станкостроительный) завод им. Я. Свердлова.

<sup>6</sup> В 1929 и 1930 гг. М. Зощенко публикует свои рассказы в ленинградском сатирическом журн. «Ревизор» под псевдонимами (чаще всего – Мих. Гаврилов и М. Кудейкин). Этот последний сатирический журнал в Ленинграде был закрыт в сентябре 1930 г.

<sup>7</sup> Зощенко работал не в журнале «Ленинские искры», а в детской газете под таким же названием. В 1992 г. эта газета получила новое название – «Пять углов». Среди авторов газеты кроме М. Зощенко были выдающиеся писатели – М. Горький, А. Куприн, А. Гайдар, Л. Кассиль, Б. Житков, К. Чуковский, О. Берггольц, В. Бианки, С. Маршак и мн. др.

<sup>8</sup> До начала 1930-х гг. все писатели входили в Союз работников полиграфической промышленности, поэтому М. Зощенко получил путевку в Дом отдыха печатников. После отдыха в Новом Афоне он собирался поехать в Армению, в гости к М. Шагинян, с которой его связывали нежные и дружеские отношения (см. об этом: «Очень, очень люблю, с годами все больше и нежнее...». Письма М. С. Шагинян к М. М. Зощенко (1925–1958). Кн. 1. С. 107–147). Но в письме к ней от 12 авг. 1931 г. Зощенко сообщал, что из-за болезни сына «о путешествиях сейчас мы думаем с некоторым даже страхом. Так что, по этой причине, дорогая Мариэтта, мне никак невозможно приехать к Вам в Армению» (Таллинн. 1989. № 2. С. 93).

<sup>9</sup> М. Зощенко был в Гаграх со 2 по 21 нояб. 1931 г. Г. Мунблит обрисовал одну из картин черноморского пейзажа, которую он зафиксировал в то время: «Впервые я увидел его году в тридцатом в Гаграх, на пляже, жарким осенним утром. Широкая, раскаленная солнцем прибрежная полоса была сплошь покрыта весело шевелящейся пестрой толпой купальщиков. Темно-зеленые горы глядели на эту суету высоко и осуждающе неподвижно, ветер доносил из парка звуки какого-то музыкального ширпотреба – словом, все было именно таким, каким ему полагалось быть в эту пору на кавказском берегу Черного моря. И только Зощенко выглядел совершенно не так, как должен был выглядеть знаменитый писатель-юморист тридцати пяти лет от роду, проводящий свой отдых на юге. Он стоял, опершись на трость, в парусиновом костюме и белой фуражке, старомодных даже в те годы, худой, с печально приподнятыми бровями на темном иконописном лице, и разговаривал с дикарски раскрашенной блондинкой в купальном халатике, картинно полулежащей у его ног на горячих гагринских ка-

мушках. Девуца (вероятно, это была упоминаемая Циля. – Т. В.), судя по всему, чрезвычайно польщенная вниманием своего собеседника, невпопад похихатывала в ответ на каждую его фразу. Он же был задумчив и невозмутимо серьезен. Помню, как удивила меня церемонная почтительность, с какой он слушал щебетание своей дамы, ни единым движением не выдавая своего истинного к ней отношения. В том же, что отношение это не могло быть никаким иным, кроме пренебрежительного, я, зная Зошенко только по его сочинениям, нимало не сомневался. Позднее, уже познакомившись с ним, я понял, что в то утро на пляже он и не думал кривить душой. Оказалось, что он относится серьезно и уважительно ко всем без исключения людям, с которыми его сводит судьба, даже в тех случаях, когда не испытывает к ним решительно никакой симпатии» (*Мунблит Г.* Слезы сквозь смех // Воспоминания о Михаиле Зошенко / Сост. и подгот. текста Ю. В. Томашевского. СПб., 1995. С. 224–225).

<sup>10</sup> *Ленч Леонид Сергеевич* (1905–1991; наст. фам. Попов) – прозаик, сценарист, работал в жанре короткой юмористической повести. Начиная с 1930-х г. переписывался с М. Зошенко. Его письма Михаилу Михайловичу опубликованы (Письма Л. С. Ленча к М. М. Зошенко / Публ. А. И. Павловского // Михаил Зошенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 2002. Кн. 3. С. 122–128). Ленч считал образцом для своей творческой деятельности прозу М. Зошенко. «Рассказы Ленча, по сравнению с зошенковскими, рассчитаны на легкую улыбку, их общий тон и стиль водевильный, в основе сюжетов смешные положения, недоразумения, курьезы, не предполагающие в большинстве случаев глубокого социально-психологического подтекста» (*Павловский А. И.* Ленч Л. С. // Русская литература XX века: Биобиблиографический словарь: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 412).

<sup>11</sup> Либретто «Трех мушкетеров» (1931) М. Зошенко писал для Театра музыкальной комедии. Постановку осуществил А. Н. Феона.

<sup>12</sup> Внимание цензурных органов к фигуре М. Зошенко было чрезвычайно последовательным, начиная с 1920-х гг. Его необыкновенная популярность в народной среде заставляла надзирающих за чистотой идеологических составляющих литературы пристально следить за малейшими отклонениями от стандартного мышления. И не просто следить, а выскидывать эти отклонения даже там, где их не было. А. Блюм предоставил чрезвычайно важную информацию по этому поводу, опубликовав 12 цензурных историй по секретным документам Главлита, Управления пропаганды ЦК ВКП (б) и МГБ СССР, касающихся творчества М. Зошенко (Звезда. 1994. № 8). В начале 1930-х гг. цензура «ополчилась» против, казалось бы, совершенно благополучной юмористической книжки Зошенко и Н. Радлова «Счастливые идеи» (1931), не предъявляя никаких конкретных претензий (Там же. С. 83). В 1933 г. были «сделаны несколько вычерков в новом произведении М. Зошенко “Возвращенная молодость”, в тех местах авторских комментариев к роману, где автор пытается весьма наивно проводить параллель между капиталистическим и социалистическим строем» (Там же). Эти, по-видимому, не единственные претензии к писателю распространялись среди писательской аудитории и доходили до самого Зошенко.

<sup>13</sup> Одноактная комедия М. Зошенко «Культурное наследие» была опубликована в сентябре 1933 г. в «Альманахе эстрады», составителем которого был сам М. Зошенко. Премьера этой комедии состоялась в Театре малых форм в декабре 1933 г. Режиссером постановки был В. Р. Рапопорт.

<sup>14</sup> *Малоземова Ольга Николаевна* (Ольга Сурина) – актриса, заслуженная артистка РСФСР (1969). В 1930-х гг. работала в ленинградском ТРАМе, впоследствии была актрисой Ленинградского театра миниатюр А. Райкина.

<sup>15</sup> *Лепко Владимир* (1898–1963) – актер, засл. артист РСФСР (1947), нар. артист РСФСР (1954). С 1929 г. работал в Ленинградском мюзик-холле, в 1930–1935 гг. – в Московском мюзик-холле.

<sup>16</sup> *Сверский Александр Иосифович* (1881–?) – актер, засл. артист РСФСР (1936), служил в Петрозаводском и Архангельском драматических театрах, работал и в Ленинграде.

<sup>17</sup> Премьера пьесы «Уважаемый товарищ» состоялась 18 мая 1930 г. в Театре сатиры (Барбарисова играл Л. Утесов). Публикация этой пьесы осуществилась в московском журн. «30 дней» (1930. № 9).

<sup>18</sup> *Горев или Олесич* – по-видимому, сотрудники Госиздата.

<sup>19</sup> Литературный вечер М. Зощенко состоялся 26 нояб. 1932 г. в Политехническом музее (Москва).

<sup>20</sup> О своеобразной манере чтения М. Зощенко своих рассказов вспоминал Ю. Олеша, записывая в дневнике 17 марта 1930 г.: «Всех перекрыл Михаил Михайлович Зощенко. Этот человек, маленький, поджарый и прямой, – чрезвычайно осанистый, несмотря на шуплость, – стал рядом с кафедрой, положил листки, следовательно, сбоку и с выражением почти военного презрения на лице читал свой рассказ. Он читал железным голосом вещь, вызывавшую ежесекундные раскаты хохота. Так читают лозунги, тезисы, воззвания. Волновался мой дорогой Миша Зощенко, побледнел, даже пожелтел как-то. Слава! Его страшно любит публика. Когда председатель объявил его, выходявшие с полпути вернулись... шумное движение произошло в зале, люди стали пересаживаться поближе. Замечательный, поистине замечательный русский писатель – Зощенко!» (Знамя. 1996. № 10. С. 165).

<sup>21</sup> Комедии «Свадьба» и «Преступление и наказание» вышли в свет в марте 1933 г. (Красная новь. 1933. № 3). В марте и апреле Зощенко сам как режиссер ставит пьесу «Свадьба» в Ленинградском мюзик-холле.

<sup>22</sup> Турне М. Зощенко по югу Советского Союза началось 10 мая 1933 г. Его маршрут был весьма значителен: Харьков–Ростов–Баку–Тифлис–Минеральные Воды–Пятигорск–Кисловодск.

<sup>23</sup> М. Зощенко возвратился в Ленинград 18 июня 1933 г.

<sup>24</sup> Вера Владимировна имеет в виду дату “особой” встречи с М. Зощенко – 9 авг. 1917 г., которая совпала с днем его рождения.

<sup>25</sup> С 18 по 23 авг. 1933 г. М. Зощенко вместе с другими писателями отправился на строительство Беломорско-Балтийского канала.

<sup>26</sup> Статья о Беломорстрое называлась весьма претенциозно: Возвращенная молодость: [О людях Беломорканала] // Литературный Ленинград. 1933. 5 сент. Повесть М. Зощенко, помещенная в книгу «Канал имени Сталина», первоначально называлась «История одной перековки».

<sup>27</sup> *Могиланский М.* – критик, одним из первых опубликовал рецензию на ранний сборник М. Зощенко «Разнотык» (Книга и революция. 1923. № 4).

<sup>28</sup> Эта книга не была опубликована. Возможно, Вера Владимировна имеет в виду сборник «Личная жизнь» (Л.: ГИХЛ, 1934).

<sup>29</sup> М. Зощенко был избран председателем Ленинградского отделения Всероссийского общества композиторов и драматургов, которое представляло официальную литературно-художественную организацию, объединяющую писателей с целью защиты авторских прав и создания условий для творчества. См. об этом: *Плотников К. И.* История литературного объединения Всероссийскомдрам (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

<sup>30</sup> Идея написания произведения, напоминающего «Голубую книгу», как известно, была подсказана М. Зощенко М. Горьким. Рассуждая о силе и особом характере юмора М. Зощенко, М. Горький предсказывал, что это качество таланта писателя даст ему возможность «создать какую-то весьма крупную и оригинальнейшую книгу». В частности, 13 окт. 1930 г. в письме к Зощенко он утверждал: «Я думаю, что для этого очень немного надобно, только – переменить тему. По-моему. Вы уже и теперь могли бы пестрым бисером вашего лексикона изобразить – вышить – что-то вроде юмористической “Истории культуры”. Это я говорю совершенно убежденно и серьезно» // Литературное наследство. Т. 70. С. 163. В январе 1934 г., вспоминая эти мысли Горького, М. Зощенко писал своему старшему наставнику: «Я могу сейчас признаться, Алексей Максимович, что я весьма недоверчиво отнесся к вашей теме. Мне казалось, что вы предлагаете мне написать какую-нибудь юмористическую книжку, подобную тем, какие уже бывали у нас в литературе <...>. Однако, работая нынче над книгой рассказов и желая соединить эти рассказы в одно целое (что мне удалось сделать при помощи историй), я неожиданно натолкнулся на ту же самую тему, что вы мне предложили» (Там же. С.165–166).

<sup>31</sup> Горком – Городской комитет писателей представлял профсоюзный писательский орган, выделившийся из Союза работников полиграфической промышленности. Горком писателей находился в Ленинграде на улице Воинова, д. 18. В его президиум входили: председатель – Б. А. Лавренев, зам. председателя – И. Ф. Никитин, секретарь – А. И. Аптекман.

<sup>32</sup> «Избранное» выходит в свет в январе 1934 г. (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933).

<sup>33</sup> *Киров Сергей Миронович* (наст. фам. Костриков) (1886–1934) – советский гос. и партийный деятель. С 1926 г. первый секретарь Ленинградского губернского обкома и горкома партии. С 1927 г. становится первым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б).

<sup>34</sup> Мать Веры Владимировны Зощенко – Ольга Сергеевна, сосланная в январе 1933 г. по обвинению в «религиозной деятельности», в результате усилий М. Зощенко вернулась в Ленинград 3 нояб. 1933 г.

<sup>35</sup> Источником «неприятностей» с «Возвращенной молодостью» являлось особое внимание к писателю ленинградской цензуры. См. примеч. 12. К. Чуковский записывает в дневник 12 янв. 1934 г.: «Видел Зощенку. Лицо сумасшедшее, самовлюбленное, холостое. <...> “А Горький вступился за мою «Возвращенную молодость». Это оттого, что он старик, ему еще пожить хочется, а в моей книге рецепт долголетия. Вот он и полюбил мою книгу. Прислал в Главлит ругательное письмо – ужасно ругательное – Миша Слонимский сразу заблагоговел перед моей книгой – а Главлит, которому я уже сделал было кое-какие уступки, пропустил даже то, что я согласился выбросить...”» (*Чуковский К. Дневник. 1930–1969. М., 1995. С. 92*).

<sup>36</sup> Тема исследования стратосферы (ближнего к земле атмосферного слоя) была одной из самых популярных в 1930-х гг. 30 янв. 1934 г. при полете на советском стратостате «Осоавиахим-1» П. Ф. Федосеенко, А. В. Васенко и И. Д. Усыскин установили мировой рекорд высоты – 22 км. Однако при спуске стратостат потерпел аварию и экипаж погиб (*Чуковский К. Дневник. 1930–1969. С. 479*).

<sup>37</sup> *Олеша Юрий Карлович* (1899–1960) – советский писатель, друг М. Зощенко, с которым он встречался в Москве и в Ленинграде, осуществляя прямой неофициальный контакт между питерскими и московскими литераторами. Писатели переписывались. См.: Михаил Зощенко и Юрий Олеша. Весна 1930 г. / Публ. Т. М. Вахитовой // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. С. 112–121.

<sup>38</sup> М. Зошенко ошибался, считая, что цензура относится к нему «почтительно», она тайно собирала мелкими порциями компромат на писателя, чтобы найти подходящий момент для уничтожения его творческой личности.

<sup>39</sup> В июле 1934 г. выходит отдельное издание повести, связанной с поездкой на Беломорканал. Зошенко изменил ее название – «История одной жизни» (Л., 1934).

<sup>40</sup> В 1934 г. в Ленинград приезжала старая приятельница М. Зошенко М. Шагинян, которой удалось побывать у него в гостях. В марте 1934 г. она записывает у себя в дневнике: «Была 13-го у Зошенко. Зошенко живет фантастично, вход через заставленную, невыразимо-грязную и хаотичную (общую?) переднюю, где как будто живет целое семейство. Комнаты жены и Миши не сообщаются, дверь заставлена, и, чтоб попасть из одной в другую, надо обогнуть переднюю и темный коридор. У жены огромная, квадратная, пышно обставленная комната-спальня из стильной мебели (песочно-желтовато-розовое, ковер, звуки приглушены, огромная кровать – мебель, словно купленная где-то с аукциона у дворцовой челяди, нечто до последней степени громоздкое и неприятное). У Миши – черная кожа, кабинет (с велосипедом, почему-то поставленным на диван), темновато, солидно и опять впечатление, что с чужого плеча. Как несчастны, как нелепы, как убого устроены наши писатели! <... > Чувствует себя Миша очень плохо, пожелтел, похудел, волосы хохлятся, жалуется на сердце...» («Очень, очень люблю, с годами все больше и нежнее...»). Письма М. С. Шагинян к М. М. Зошенко (1925–1958). Кн. 1. С. 125–126).

<sup>41</sup> *Кодацкий Иван Федорович* (1883–1937) – советский партийный и гос. деятель. Член ВКП(б) с 1914 г. С 1929 по 1936 г. – председатель Ленгорисполкома.

<sup>42</sup> М. Зошенко получил квартиру в писательском кооперативе 24 окт. 1934 г. – канал Грибоедова, д. 9, кв. 122.

<sup>43</sup> Киров был убит 1 дек. 1934 г. Существуют три версии его гибели: одна связана с мстью и ревностью, другая имеет политический акцент, третья обусловлена ненавистью И. Сталина. Смерть Кирова вызвала огромное сожаление ленинградцев, которые искренне любили молодого партийного лидера, хотя он жестко проводил партийную политику: разрушал церкви, в связи с переписью населения в 1926 г. удалил из Ленинграда дворянскую интеллигенцию, преследовал деятелей Академии наук. В связи со смертью С. Кирова в Ленинграде начинался жесточайший террор.

<sup>44</sup> Начало «Голубой книги» появилось в печати в журн. «Красная новь», № 3 не без протекции М. Шагинян. В письме к Зошенко от 27 сент. 1933 г. она писала: «Насчет денег – отдайтесь Кр. Нови., и мы возьмем на содержание» (Михаил Зошенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. С. 124). М. Шагинян была членом редколлегии журн. «Красная новь». При ее содействии был составлен договор с М. Зошенко на публикацию «Голубой книги». В письме к М. Шагинян от 10 янв. 1934 г. Зошенко сообщал: «Договор я подписал для “Кр. Нови”, хотя с некоторым трепетом в смысле срока. 2 отдела у меня написаны – все дело переписать и отделать, но последние дни преужасно себя чувствую – сердце» (Таллинн. 1989. № 2. С. 94).

<sup>45</sup> *Журбина Евгения Исааковна* (1903–1988) – критик, литературовед. Была знакома с М. Зошенко с 1927 г. Она не только много писала о творчестве Зошенко, но и была его хорошим другом, влюбленной не только в его талант. См.: «Вы – хозяин моей души...» Письма Е. И. Журбиной к М. М. Зошенко (Публ., вступ. ст., примеч. В. Н. Запелавова) // Михаил Зошенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 2002. Кн. 3. С. 129–178.

<sup>46</sup> Журбина 3 нояб. 1934 г. писала М. Зошенко: «Очень огорчает Ваше нездоровье. Если бы я была уверена, что не рассердитесь, я бы привела к Вам доктора Маргу-

лиса. Но риск слишком большой, и я не решаюсь» (Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. С. 149–150). Тем не менее у Маргулиса М. Зощенко проходит курс лечения, параллельно возвращаясь к работам З. Фрейда, посвященным анализу сновидений.

<sup>47</sup> В журн. «Красная новь» публикуется продолжение «Голубой книги» (1935. № 6–7).

<sup>48</sup> Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник Главлита сообщил секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову 9 авг. 1935 г., что «Главлитом задержан № 8 журнала “Красная новь”, в котором напечатана 5-ая часть “Голубой книги” М. Зощенко. “Голубая книга”, являющаяся сама по себе крайне бессодержательной болтовней развязного мещанина, в своей последней (5-й) части, кроме того, содержит в себе ряд политических вредных рассуждений и заметок. Вся книга состоит из мелких, не связанных между собой случайных хроникальных заметок из истории и литературы и не печатавшихся раньше мелких рассказов Зощенко. В 5-й части Зощенко, как на подбор, приводит факты героизма террористов: Балмашева, Каляева, Мирского, Желябова, Лизогуба и др. В длинных рассуждениях Зощенко проповедует христианское непротивление злу, по-обывательски призывает к мирной жизни, к прекращению борьбы с инакомыслящими. <...> Сейчас листы с материалом Зощенко изымаются из журнала. 5-ая часть “Голубой книги” будет разрешена к печати после коренной переработки» (Звезда. 1994. № 8. С. 84).

<sup>49</sup> Белов Иван Панфилович (1893–1938) – генерал армии. С июня 1931 г. по сентябрь 1935 г. – командующий войсками Ленинградского военного округа. 7 янв. 1938 г. расстрелян. Реабилитирован 26 нояб. 1955 г.

<sup>50</sup> Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) – поэт, в 1930-е гг. среди талантливых лириков выделялся гиперболичностью, непредсказуемыми ассоциациями и яркой субъективностью в изображении революции.

<sup>51</sup> Повесть «Черный принц», в которой было рассказано об истории поиска золота на затонувшем корабле, была опубликована в журн. «Юный пролетарий» (1936. № 4–5, 7–9). К работе в детских журналах М. Зощенко привлек С. Маршак.

<sup>52</sup> М. Горький скончался в Москве 18 июня 1936 г. М. Зощенко 19 июня печатает в «Красной газете» отклик на смерть Горького «Большое горе». Четыре письма М. Горького к нему Зощенко публикует в «Ленинградской правде» (1937. 17 июля. № 138). Публикация так и называлась «Четыре письма Горького». 19 июня 1936 г. Зощенко выезжает в Москву на похороны Горького, участвует в похоронах на Красной площади, выступает на вечере памяти Горького в редакции журн. «Знамя».

<sup>53</sup> Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – советский и партийный деятель. Бухарин, считаясь самым эрудированным представителем большевистской партии, с 23 марта 1934 г. по 16 янв. 1937 г. являлся главным редактором газ. «Известия». Он всячески старался привлечь к работе в газете в должности фельетониста М. Зощенко: «Даю вам квартиру в Москве и 2,5 тысячи жалованья – пишите для “Известий” фельетоны», но Зощенко отказался, сославшись на нездоровье. Об этом факте М. Зощенко рассказывал К. Чуковскому (Чуковский К. Дневник 1930–1969. С. 105). В дни памяти Горького Бухарин в газ. «Известия» опубликовал последнее письмо М. Горького к М. Зощенко от 25 марта 1936 г., которое начиналось словами: «Дорогой Михаил Михайлович – вчера прочитал “Голубую книгу”. Compliments мои едва ли интересны для вас и нужны вам, но все же кратко скажу: в этой работе своеобразный талант ваш обнаружен еще более уверенно и светло, чем в прежних. Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает, но это не должно смущать вас...» (Литературное наследство. Т. 70. С. 166–167).

<sup>54</sup> Повесть «Возмездие» была опубликована в журн. «Новый мир» (1937. № 10).

<sup>55</sup> МТС – машинно-тракторная станция, гос. сельскохозяйственное предприятие, осуществлявшее техническую и организационную помощь колхозам («Политотделы сплотили коммунистов МТС и колхозов» // История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972. С. 433).

<sup>56</sup> Фельетон «Бесславный конец» («Керенский». 1937) был преобразован в повесть, которая вышла в свет в январе 1938 г. (Литературный современник. 1938. № 1).

<sup>57</sup> Редколлегия газ. «Правда» (И. Г. Лежнев) вступила в борьбу за фельетониста М. Зошенко, сотрудничавшего с газ. «Известия» (Н. И. Бухарин). Но эти попытки закончились неудачей.

<sup>58</sup> См. примеч. 56.

<sup>59</sup> Зошенко 30 марта 1938 г. уезжает в Москву, а 31 марта 1938 г. он выступает с «творческим отчетом» в Большом зале Московского клуба писателей. Присутствовало большое количество писателей. В прессе об этом событии рассказывали следующее: «На днях М. Зошенко, приезжавший в Москву, читал здесь свои замечательные рассказы. Их острая сатира и тонкий юмор не раз вызывали взрывы смеха и аплодисменты. Особенным успехом пользовались его короткие “Детские рассказы не совсем для детей”. Рассказы М. Зошенко мастерски читал и приехавший в этот вечер в клуб Игорь Ильинский» (Литературная газета. 1938. 5 апр. С. 4).

<sup>60</sup> Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – прозаик, публицист, драматург.

<sup>61</sup> Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – прозаик, публицист, поэт.

<sup>62</sup> Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) – филолог, литературный критик, теоретик литературы.

<sup>63</sup> Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) – прозаик, драматург.

<sup>64</sup> Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987) – актер, народный артист СССР, режиссер.

<sup>65</sup> Ильф Илья (1897–1937; наст. фам. Файнзильберг Илья Арнольдович) – писатель. И. Ильф скончался 13 апр. 1937 г., и писатели хотели через год вспомнить этого талантливого человека.

<sup>66</sup> М. Зошенко, в это время переписывавшийся со своей новой молодой пассией – Ольгой Шепелевой, сообщал ей в письме 4 июня 1938 г. из Коктебеля: «Здравствуйте, милая Олечка! Извещаю Вас, что Коктебель встретил меня крайне неприветливо. Три дня была жуткая погода. Холодно, ветер. Я дрожал как собака в своем летнем пальтишке. Сегодня лучше. Появилось солнце. И даже я в своих синих трусиках пошлялся по берегу. Но ветер холодный. Санаторий наш совершенно пустой – шесть человек с моей собственной персоной. Пара девиц есть, но глаза мои не глядят даже в их сторону. В Ленинграде я еще держался молодежовато, а тут почувствовал себя усталым и дряхлым. Лежу на своей веранде. Раскладываю пасьянсы. Гляжу на небо. Абсолютно старческие занятия! Работать вовсе не хочется» («Жизнь выше всего...»). Письма Михаила Зошенко к Ольге Шепелевой 1938–1939 гг. / Публ. В. А. Петрицкого // Звезда. 1994. № 8. С. 6–22).

<sup>67</sup> По заказу ленинградской студии «Белгоскино» М. Зошенко работает над сценарием комедии «Бедный Федя» (кинофильм на экранах не появился).

<sup>68</sup> В мае 1939 г. М. Зошенко вместе с Ю. Олешей и М. Шагинян были в Киеве на торжествах, посвященных 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко. Интерес к личности и творчеству великого kobзapa реализовался в творческой практике М. Зошенко при помощи М. Шагинян, которая умела внушить своему давнему другу определенные эмоциональные и художественные идеи. Повесть М. Зошенко «Тарас Шевченко»

опубликована в 1939 г. (Литературный современник. 1939. № 2, 3). Исследование М. Шагинян «Шевченко: жизнь и творчество» появилось в печати в 1941 г.

<sup>69</sup> 1 февр. 1939 г. опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении советских писателей». Михаил Зощенко был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

<sup>70</sup> В феврале 1939 г. Зощенко читал свою комедию «Опасные связи».

<sup>71</sup> Орден Трудового Красного Знамени был вручен Михаилу Зощенко в Кремле М. И. Калининым 17 февр. 1939 г.

<sup>72</sup> См. примеч. 68.

<sup>73</sup> Дача была приобретена в Сестрорецке на Полевой ул., д.14-а.

<sup>74</sup> В 1922 г. Вера Владимировна упоминала доктора Вигдоровича.

<sup>75</sup> Советско-финская война 1939–1940 гг. представляла собой вооруженный конфликт между СССР и Финляндией в период с 30 нояб. 1939 г. по 12 марта 1940 г. Война завершилась подписанием мирного договора.